

ТАТЬЯНА СОЛОМАТИНА

ОБЩИНА
СВ. ГЕОРГИЯ

2

Сценарии

Татьяна Соломатина

**Община Святого Георгия.
Сценарий. Второй сезон**

«Автор»

2019

Соломатина Т. Ю.

Община Святого Георгия. Сценарий. Второй сезон /
Т. Ю. Соломатина — «Автор», 2019 — (Сценарии)

Клиника Святого Георгия открылась после реконструкции. Жизнь Российской империи постепенно налаживается после тяжёлых потрясений: русско-японской войны и революции 1905 года. Огромная инерционная система неповоротлива. Перемен жаждут все. И среди олигархов есть те, кто могут и хотят хозяйничать иначе, и уже доказывают это делом. И среди простых порядочных честных граждан есть те, кто понимает и принимает необходимость последовательных реформ. Почему же опять и опять что-то пойдёт не так? Но герои этого ещё не знают. Им, признаться, не до пустых размышлений о будущем. Им и в настоящем есть, чем заняться. Каждому из них ежедневно приходится делать непростой выбор, спасая других. Часто подвергая себя смертельной опасности. Но они не просто функции, не «всего лишь» заданные аргументы. Они – живые люди, из плоти и крови. Как и их любимые, друзья, родня и, конечно же, пациенты. История России. История медицины. История любви. История чести и история предательства. Вечная история. Новейшая история. История Веры. «Община Св. Георгия» – это история о нас. Увлекательнейший сценарий, от которого невозможно оторваться.

© Соломатина Т. Ю., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Татьяна Соломатина	5
Татьяна Соломатина	40
Татьяна Соломатина	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Татьяна Соломатина

Община Святого Георгия

Второй сезон

Татьяна Соломатина

Община Святого Георгия

9-я серия

Новый день.

9–1. Инт. Клиника/коридор. День.

(Бельцева, Белозерский, Бригадир, Рабочие, Персонал.)

Прошёл месяц после событий 8-й серии. Клиника в состоянии ремонта. В коридоре на козлах – рабочие, заняты электрической проводкой. В клинику с улицы входит девушка лет двадцати, красивая (Бельцева), бледная, очевидно плохо себя чувствует, останавливается отдышаться. Бригадир (в возрасте), увидав её, показывает на дверь кабинета первичного врачебного осмотра:

Бригадир:

Там у них доктор. Хотя и закрыты, а всё время кто-то сидит. Чтобы было, значит, рабочему человеку куда со своей соплей пойти. Ты иди туда, милая, развлеки доктора. Не то он уже ко мне приставал. «Давай, – говорит, – учиним тебе (*пауза, вспоминает „трудное“ слово*) профо-лактическое дознание».

Бельцева, отдышавшись, пошла в указанном направлении. Толкает двери (ей тяжело, слабость). Бригадир, обращаясь к рабочим.

Бригадир:

Такое, то есть, чтобы узнать, что я здоров. То я и так знаю! Я, слава богу, подковы гну, не то, что проводки эти. «Мне, – говорит...

Опять копирует Белозерского с „докторским видом“, тщательно повторяя „умные“ слова:

Бригадир:

...реакция твоих зрачков на свет не нравится!» Да я как узнал что у них теперь тут электрические лампы во всех отхожих местах! – так с вылупленными шарами и хожу! Это ж день-жищ сколько... в нужник!

9–2. Инт. Клиника/Врачебный Кабинет. День.

(Белозерский, Бельцева.)

Входит Бельцева, ей очень плохо. Белозерский за столом, приветливо встаёт. Радужен.

Белозерский:

Проходите, пожалуйста! На что жалуемся?

Бельцева оползает по стеночке, он бежит к ней, успевает подхватить на руки – она лишилась сознания. Относит на кушетку. Уложил. Левая рука его запачкалась кровью. Он поворачивает Бельцеву на бок – по юбкам сзади и по простыне – небольшое кровавое пятно. Белозерский со злостью и досадой (немного с отцовскими интонациями из 1-й серии):

Белозерский:

Ёлки-палки, зелёные моталки!

Идёт к шкафу, достаёт шприц, ампулы...

9–3. Инт. Клиника/коридор. День.

(Белозерский, Бригадир, Рабочие.)

Из кабинета врачебного осмотра выходит Белозерский (белый халат испачкан кровью Бельцевой), на нерве, стремительно идёт, весь в мыслях, спотыкается о ведро с красной (оттенка: «вечное половое бордо») краской. Ведро падает, обливая ботинки Белозерского. Белозерский чертыхается. Рабочие ухмыляются его неловкости.

Белозерский:

Чёрт! Чёрт!

Бригадир:

Не поминайте рогатого, ваше докторство! Не ровён час забодает!

Рабочие комментируют насмешливо: «Осторожней, барин! Ботинки, поди, дороже меня стоят!», «О барышне замечтался!» Не обращая внимания, Белозерский идёт дальше, оставляя «кровавый» след краски.

9–4. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

(Вера, Кравченко, Концевич, Нилов, Порудоминский,
Матрёна Ивановна, Ася, Георгий, Белозерский.)

Вера на правах полноправной хозяйки в профессорском кабинете. Проводит рабочее совещание накануне открытия клиники. Здесь же присутствует и Георгий – он с тростью, чуть прихрамывает – как любой правша, воспринимая правую ногу опорной. Кабинет похож на склад – сюда снесены мебель, книги и прочее из других помещений.

Вера:

Через неделю, господа, состоится официальное открытие клиники после реконструкции. Благодаря нашим успехам...

Скептический взгляд Кравченко. Вера оценивает кивком, мол, вашу иронию поняла и приняла.

Вера:

Благодаря нашим *академически признанным* успехам!.. Но мы все должны понимать – щедро просыпавшиеся на нас деньги...

Шум чего-то падающего прерывает её, в кабинет без стука вваливается Белозерский – опять что-то уронил.

Белозерский:

Чёрт!

Матрёна Ивановна:

(*тихо, в сторону*) Устами младенца...

Вера:

(*продолжает*)...не цель, но средство.

Белозерский:

Простите за опоздание!

Вера холодно кивает: извинения приняты.

Вера:

Заведовать сёстрами милосердия как и прежде будет Матрёна Ивановна Липецких.

Матрёна чуть надменно самодовольно усмехается («а кто же ещё?!»), но видно, что растрогана – мало ли что могло произойти в связи с переменами.

Вера:

Анна Львовна Протасова назначается старшей операционной сестрой.

Ася, чуть смутившись, благодарно кивает.

Вера:

Руководить административно-хозяйственной частью будет Владимир Сергеевич Кравченко. Исполнять обязанности заведующего терапевтической службой – Дмитрий Петрович Концевич. Под патронатом вышеупомянутого господина Кравченко.

Белозерский (всё ещё на нерве, поглядывает на часы) во время речи Веры опирается на пирамиду из стульев – пирамида обрушивается. Кто рядом стоял

– отпрыгивает. Матрёна кривится, но первой отправляется наводить порядок. Ей на помощь спешит Георгий.

Вера:

Александр Николаевич!.. Назначается главой акушерского департамента.

Матрёна Ивановна:

(ворча, тихо, но внятно) Главой! Чтобы та глава ещё прочими органами управляла!

Вера:

Хирургической частью, равно и клиникой в целом – руковожу я... Господа Нилов и Порудоминский *(кивки в сторону 2-го и 3-го студента)* приняты в штат ординаторов. Поздравим их с успешной сдачей лекарского экзамена.

Все недолго аплодируют. Бывшие студенты, новоиспечённые ординаторы Нилов и Порудоминский: благодарные поклоны.

Вера:

В завершение хочу представить Георгия Романовича Буланова. Наш новый санитар. Прошу любить и жаловать. Унтер-офицер, полный кавалер Георгиевских крестов, герой войны, и...

Ловит взгляд Георгия – он не хочет, чтобы она афишировала его глубокую инвалидизацию, безноготь. Она ему мимикой даёт понять: «и не собиралась».

Вера:

...надёжный товарищ.

Георгий смущённо кланяется. Матрёна смотрит на него с неожиданной теплотой, сквозь которую проглядывает дамский интерес.

Вера:

Одно из самых главных нововведений, к которому всем нам, включая меня, придётся привыкать: клиника отныне оказывает помощь не только малоимущим, но и состоятельным пациентам. Для начала у нас откроется амбулаторный приём.

Тишина, на лицах недовольные выражения. Вера раздражается.

Вера:

Я понимаю, господа, что общаясь с нашим постоянным контингентом, вы немного утратили... МЫ немного утратили иные представления о достоинстве. Заметьте, я не говорю: о чести. Ну что ж! Нам всем пора вернуть этот навык: общаться с пациентами на равных.

Концевич:

(усмехнувшись) На равных!.. Состоятельные господа воспринимают врачей обслугой.

Вера:

(довольно резко) Собственно, так это, господин Концевич и есть. Если вас оскорбляет слово «обслуга» вспомните однокоренной термин, который больше придётся вам по нраву.

Кравченко:

(к Концевичу, видя его недоумение) Служение.

Вера:

Благодарю вас, Владимир Сергеевич. *(Ко всем)* Вопросы?

Белозерский очень торопится покинуть совещание и это не ускользает от внимания Веры.

Вера:

Господин Белозерский, вам есть что доложить об амбулаторном дежурстве?

Белозерский:

Мне?!.. А! Нет! Всё нормально.

Это ещё больше настораживает Веру.

9–5. Нат. Клиника/задний двор. День.

**(Госпитальный Извозчик, Белозерский,
Вера, Матрёна Ивановна, Георгий, Ася.)**

Новая карета, «богатая», чистая. Лошадь в новой упряжи. Госпитальный Извозчик держит кобылу под уздцы.

Госпитальный Извозчик:

Как тебе, Клюква, новая сбруя? Только не ври, что жмёт и натирает! Сам всё справлял!

Из клиники выбегает Белозерский, на ходу снимая белый халат. Запрыгивает на козлы.

Белозерский:

Поехали, Иван Ильич! Поехали!

Госпитальный Извозчик взбирается на козлы. Ворчит.

Госпитальный Извозчик:

Мне эти ваши дела, барин, не по нраву.

Трогает. На выезд со двора.

Белозерский:

(добродушно) Да я ж тебя разве спрашиваю: по нраву тебе или нет?!

Извозчик, кинув на Белозерского проницательный, ни в коем случае не осуждающий, взгляд, говорит тоном зрелого разумного человека, понимающего куда больше, чем может предположить Белозерский:

Госпитальный Извозчик:

Меня, Александр Николаевич, ведь и не вы можете спросить.

Белозерский:

Так ты и отвечай: господин Белозерский приказали!

Госпитальный Извозчик:

Девицу с закровяненным подолом к нему до хоромам везть? Я, господин Белозерский, извозчик, а не дурак!

Белозерский молчит, насупившись. Госпитальный извозчик, качая головой («о вас, барин, забочусь!»), вздыхает. Погоняет лошадку. На порог выходит Вера, смотрит вслед уезжающей госпитальной карете. Хмурится. Закуривает. Отходит чуть в сторону, прислоняется к стеночке, закрывает глаза. Выходят Матрёна, дверь которой любезно открыл Георгий. Матрёна неожиданно мягка (кажется, будто Матрёна кокетничает, насколько это возможно в её характере). В руках Матрёны две чашки чаю. Вышли. Одну она передаёт Георгию, дождавшись, пока он закурит папиросу.

Матрёна Ивановна:

Как же вы, Георгий Романыч, с тростью-то санитарить будете?!

Георгий:

Она у меня, Матрёна Ивановна, почитай больше для шику. Я так, хромаю разве слегка. Мне ноги не кто-нибудь лечил, а сама Вера Игнатьевна!

Вера открывает глаза, затыгивается, усмехается словам Георгия: «ну ты и петух гамбургский!»

Матрёна Ивановна:

(сочувствующе) И сильно вам ноги ранило-то?

Георгий:

Пустяк! Самую малость...

Вера только головой качает, щурится, сейчас рассмеётся. К ней поворачивается Матрёна – Вера тут же изображает серьёзность:

Вера:

Ты не чаями его пои, а работой нагружай.

Из дверей клиники высовывается радостная Ася.

Ася:

Матрёна Ивановна, новое бельё привезли! Идёмте принимать!

Матрёна Ивановна:

Да что ж ты кричишь, как заполошная! Сейчас! Дай чаю глотнуть, бога ради!

Ася, лукаво глянув на курящего Георгия, на Матрёну:

Ася:

У нас в сестринской и курить можно.*(к Матрёне)* С чаем!

Смеясь, уходит в клинику. Матрёна, недовольно скривившись, за ней. Ещё затяжку делает Георгий, выбрасывает окурок, подмигнув Вере, подкрутив усы, – заходит за Матрёной. Вера ещё некоторое время улыбается, затем становится серьёзной.

9–6. Нат. Улица/дом Белозерского/у парадного подъезда. День.

(Вера, Лакей Василий.)

Вера (в гражданском мужском платье) деловито идёт по улице, подходит к дому Белозерского. Звонит у парадных дверей. Открывает Василий, глаза слегка косят – он рад видеть Веру, но Александра он любит больше.

Вера:

Здравствуй, Василий Андреевич!

Лакей Василий:

Вера Игнатьевна! Никого нет дома!

Вера властно его отодвигает, заходя.

Вера:

Никого?! А ты что, мебель говорящая?

9–7. Инт. Дом Белозерского/холл. День.

(Вера, Лакей Василий.)

Вера скидывает Василию пальто, устремляется вверх по лестнице.
Василий ей вслед, чуть не жалобно:

Лакей Василий:

Княгиня! Обозлится на меня молодой барин!

Вера резко поворачивается, смотрит на Василия.

Вера:

Ты ему к поцарапанной коленке подорожник прикладывал, азбуке учил, попку подтирал.
Не обозлится. Разве на меня.

Но в глазах у Василия остаётся искренний испуг. Не за себя, а именно
за молодого барина.

Лакей Василий:

Вера Игнатьевна, вы же...

Вера:

Нет!.. Я его просто выпорю.

Поднимается наверх.

9–8. Инт. Дом Белозерского/у дверей в домашнюю клинику. День.

(Вера, Белозерский.)

Вера настойчиво колотит в запертую дверь, грохот немалый.
Высовывается Белозерский, в халате, фартуке, с засученными рукавами, с
грозным выражением лица.

Белозерский:

Я же просил!..

Видит Веру, осекается. Вера отодвигает его, заходит. Он, выглянув в
коридор – никого, закрывает и запирает дверь.

9–9. Инт. Дом Белозерского/смотровая- операционная домашней клиники. День.

(Бельцева, Вера, Белозерский.)

Перепуганная Бельцева сидит на операционном столе. Бледна. Справа от стола приготовлен набор инструментов на аборт. Вносится Вера, за ней – Белозерский.

Белозерский:

Вера Игнатьевна! Княгиня Данзайр! Это, в конце концов, частная собственность!

Не очень осторожно подошёл к ней сзади, взял за рукав – Вера с разворота выписывает ему апперкот. С ног не валит, но чувствительный. У Белозерского из носу кровь. Он утирается рукавом. Понятно, не может ударить Веру, да и ярость его совсем о другом. Орёт:

Белозерский:

Что мне её?! В полицию сдать?! От четырёх до шести?!

Он нос к носу с Верой, она не менее яростно орёт ему в ответ:

Вера:

Ей – только исправительное учреждение! А тебе – каторжные работы до десяти лет, ссылка в Сибирь, лишение состояния и практики!

Белозерский, внезапно сдав назад, поднимая руки в жесте «сдаюсь!», со смешком:

Белозерский:

Хорошо, не смертная казнь!

Вера, тоже успокоившись, ворчливо:

Вера:

Смертную казнь за это Пётр Первый отменил в тысячу семьсот пятнадцатом году... Я же, как третье лицо, участвующее в деянии, получу всего три года в исправительном доме.

Бельцева лишается чувств. Они – к ней. Аккуратно укладывают завалившуюся, было, на бок, пациентку.

Вера:

Вводи морфий! (*Иронично*) Согласно уложению о наказаниях от тысяча восемьсот сорок пятого года «аборт по неосторожности» наказанию не подлежит.

Вера подвигает табурет к ножному концу стола, подвинчивает его под свой рост, засучивает рукава, берёт в руки маточный зонд. Белозерский уже колет Бельцевой морфий.

Вера:

И кто бы ей ноги держал?! Василий Андреевич?! И старика, тебя вырастившего, подводишь?!

Белозерский показывает Вере кожаные ремни, свисающие с ножного конца операционного стола:

Белозерский:

Я немного рационализировал...

Вера перебивает, с гневом учителя на ученика:

Вера:

Если двигательное возбуждение, а ты с железом уже в матке?! Ремни – не руки! И мозжечка у них нет – моторику синхронизировать!

Белозерский молча ставит ноги Бельцевой, удерживает, полностью подчинившись тому, что Вера взяла манипуляцию на себя – не из трусости подчинён, а потому что Вере невозможно сопротивляться, к тому же она опытнее.

Вера:

(с сарказмом) Синяков ей наставим. За то, что мы её поколотили – отделаемся штрафом. А то и вовсе – пожурят. Я – княгиня; ты – сынок олигарха!

Белозерский:

В смысле?!

Вера уставляется на него, во взгляде сквозит: «ну ты баран!»

Вера:

Вдруг эта дура где проговорится?!

Белозерский:

Что ж она, враг себе?!

Вера:

Нет! Просто дура... А так: поколотили – вот и выкидыш. По неосторожности.

Верина рука с зондом – к работе...

9-10. Инт. Дом Белозерского/кабинет-приёмная. День.

(Вера, Белозерский, Бельцева.)

Бельцева лежит на диванчике, уже в сознании, но ей нехорошо. Александр и Вера привели себя в порядок. Вера поит прооперированную Бельцеву чаем.

Вера:

Пей! Сладкое. Надо!

Бельцева делает несколько глотков.

Вера:

Ты зачем в клинику пошла?!

Бельцева:

Подумала, скажу: кровь пошла...

Вера:

И доктор такой глупец, что не сообразит! Сама спицей ковыряла, или бабка какая помогла?!

Бельцева молчит.

Вера:

Понятно. Бабка... Ты в курсе, что аборт в Российской империи приравнен к умышленному детоубийству?!

Бельцева плачет.

Бельцева:

Я не могла его оставить. У меня мужа нет... Я...

Вера:

Кто-то же тебе его сделал! Не от святого духа же, право! Надо было...

Вера сокрушённо качает головой. Она понимает, что все эти её «надо было» сейчас совершеннейшая риторика. Поднимается.

Вера:

Пустое! Отлежишься немного и... И даже адрес этот забудь!

Бельцева испуганно и благодарно часто кивает.

9-11. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Георгий, Матрёна Ивановна, Госпитальный Извозчик, Кравченко, Концевич.)

Матрёна Ивановна и Георгий развешивают бельё. Он держит таз. Госпитальный Извозчик сидит на ступенях, курит, бросая ревнивые взгляды на Матрёну с Георгием. Выходит Кравченко.

Кравченко:

Ты куда, Иван Ильич, с утра мотал?

Госпитальный Извозчик:

Куда господин Белозерский приказать изволили!.. А-а-а... я не для того здесь, чтобы интересоваться.

Кравченко:

Ты у нас – служебный транспорт, а не для господских нужд.

Госпитальный Извозчик кидает коротко, тихо, но значительно:

Госпитальный Извозчик:

Отпрыск благодетеля не изволят злоупотреблять. Разок и попросили.

На крыльцо выходит Концевич, в цивильном костюме, с докторским саквояжем. Идёт к карете.

Концевич:

По вызову в господский дом.

Извозчик смотрит на Кравченко. Тот строго, без эмоций, кивает. Концевич садится в карету, не на козлы, внутрь.

Госпитальный Извозчик:

(к Георгию) Эй! Санитар! На вызов!

Георгий, улыбнувшись Матрёне, неспешно идёт к карете.

Госпитальный Извозчик:

Пошевеливайся!

Георгий, с чуть заметным усилием – для незнакомого с его ситуацией выглядит, будто человек намеренно медленно взбирается на козлы, – садится рядом с Извозчиком. Радушно протягивает руку:

Георгий:

Георгий Буланов!

Госпитальный Извозчик двумя руками держит повод, демонстративно, мол, не могу ответить. Трогает, представляясь довольно холодно, не глядя на Георгия:

Госпитальный Извозчик:

Иван Петров!

Георгий выразительно снисходителен к демаршу Ивана Ильича, добродушно хмыкает, качая головой.

9-12. Инт. Дом Белозерского/каминная. День.

(Вера, Белозерский.)

Вера сидит на диване, Белозерский пристроился в кресле – но явно жаждет быть поближе. Кофе, сигареты.

Вера:

Ты понимаешь, что сами эти инструменты на дому держать преступно?!

До Веры доходит...

Вера:

И давно к тебе Лариса Алексеевна своих девочек посылает?!

Белозерский вскакивает, горячо защищает Ларису.

Белозерский:

Она вообще не в курсе! Они сами! Как я могу отказать?! Они же тоже... Или сами будут пытаться выгнать, или к коновалам пойдут! Вы знаете, сколько в Российской империи гибнет...

Вера:

(резко перебивает) Лучше тебя!.. Но ты этим больше заниматься не будешь! Ты даже не представляешь, какой везунчик. Что никто на тебя ещё не донёс.

Белозерский:

Да кто же донесёт?!

Вера:

Любая из девок, которой ты помог. И не со зла, а по отсутствию... *(стучит костяшками пальцев по лбу)*. Ты лучше по улицам ходи с пистолетом и в детишек стреляй. Это у нас для закона равнозначные деяния.

Вера затягивается глубоко, откидывается на спинку дивана. Белозерский – поближе к ней, воркующим голубком:

Белозерский:

Вера Игнатьевна...

Вера:

Кстати, что у вас с Асей?

Белозерский делает круглые удивлённые глаза: «в смысле?!»

9-13. Инт. Клиника/предоперационная. День.

(Ася, Кравченко.)

Ася, довольно напевая, налаживает быт в предоперационной: новое бельё, мыло, щётки; распаковывает, расставляет. Заходит Кравченко, несколько мгновений любуется Асей – она его не замечает. Оборачивается, обрывается, смеётся.

Ася:

Владимир Сергеевич! Напугали!

Кравченко:

Анна Львовна...

Она внимательно смотрит, ожидая каких-нибудь рабочих ремарок-указаний. Кравченко чуть смущён.

Кравченко:

Анна Львовна... *(не решаетя)* Всё ли в порядке?

Ася:

Всё прекрасно! Мы с Александром Николаевичем разобрались с новой параформалиновой камерой. И с аппаратом Рентгена. И стерилизовали новые наборы операционных инструментов! Как хорошо, когда есть большие средства!

Кравченко смущается ещё больше, он, пожалуй, даже сконфужен, хотя Ася ничего такого не имела в виду. Она чувствует, что он принял это на свой счёт – хотя и не понимает, почему.

Ася:

Я не к тому, что деньги делают человека лучше или хуже. Просто... Просто как же замечательно, что у нас вдоволь белья, и перевязочных материалов. И новый операционный стол. А не будь денег... Мне-то самой ничего не надо, я довольствуюсь самым малым...

Кравченко:

Ася, вы достойны всего самого лучшего! И будь я...

И вот тут до Аси наконец доходит, что Кравченко испытывает к ней мужской интерес. Она вспыхивает, опускает глаза, ей он очень приятен (в отличие от Концевича), но не настолько, насколько интересен Белозерский. Пока она соображает, Кравченко, помрачнев – выходит, так же тихо, как вошёл. Она не сразу замечает.

Ася:

Владимир Сергеевич, вы очень хороший человек...

Поднимает взгляд – его уже нет.

9-14. Инт. Дом Белозерского/каминная. День.

(Вера, Белозерский.)

Носятся вокруг дивана, Белозерский пытается поймать Веру.

Белозерский:

Да! Дружба у нас с Асей! И не более того! Думал, уж ты-то даёшь право мужчине и женщине на дружбу!

Вера:

(передразнивая) Уж я-то – да!.. Да не все женщины дают мужчине это право!

Белозерский поймал её. Схватил в крепкие объятия.

Белозерский:

Вы уже больше месяца испытываете моё терпение!

Вера:

Не здесь!

Белозерский:

Папа в отъезде...

Вера одаривает его замораживающим взглядом: «щенок ты и есть – щенок!» От такого взгляда он сам её выпускает, недоумевая.

Вера:

(кивая в сторону двери) Такое горничным шепчешь?... Как и нашей незаконной пациентке барский сынок шептал?... Или сам барин.

У него на лице: оскорблён в лучших чувствах. Вера саркастично усмехается: «обидчивый щенок!»

9-15. Инт. Дом Белозерского/холл. День.

(Бельцева, Лакей Василий.)

По лестнице спускается Бельцева – она много лучше себя чувствует, аборт выполнен под адекватным обезболиванием, стерильными специально для этого предназначенными инструментами, умелыми руками. Судя по её повадке, Вера не ошиблась в «диагнозе» и Бельцева действительно горничная. Бельцева безошибочно идёт к боковой двери – «каптёрке» лакея Василия. Тихо стучит. Выходит лакей Василий.

Бельцева:

Прошу прощения. Вы не могли бы меня выпустить через чёрный ход.

Он кивает. Взгляд Василия исполнен сочувствия.

9-16. Нат. Дом Белозерского/чёрный ход. День.

(Лакей Василий, Бельцева.)

Лакей Василий провожает Бельцеву. С него слетела наносная чопорность, он сейчас добрый простой человек. Достает ассигнации, неловко пытается ей сунуть.

Лакей Василий:

Ты это... Если в доме, где служишь, балуют – уходи.

Бельцева:

Как же – уходи? Это моё первое место. Куда без рекомендаций?

Лакей Василий:

Куда-куда... На Кудыкину гору!.. Куда-нибудь же можно!

Бельцева решительно отодвигает его руку с деньгами.

Бельцева:

Спасибо! Мне в этом доме и так помогли. Баре и барчуки везде балуют. Вы и сами, поди, горничных зажимаете! А откажет – со свету сживёте!

Лакей Василий обескуражен совершенно искренне. И огорчён абсолютной уверенностью горничной в том, что она говорит – настолько это прочувствованно. Она понимает, что лично его она обидела зря. Говорит чуть мягче:

Бельцева:

Пойду я. Вечером у господ бал... *(язвительно)* Как бы у госпожи нервного припадка ни случилось.

9-17. Инт. Дом Белозерского/холл. День.

(Вера, Белозерский, Лакей Василий.)

Вера и Белозерский спускаются по лестнице. Белозерский надутый. Вера говорит совершенно обыденно:

Вера:

Приходи ко мне вечером.

Белозерский весь вспыхивает от радости. Вера окорачивает его пыл ироничным тоном.

Вера:

Только хвост павлиний дома оставь. Или в бордель занеси. И в клинике веди себя в соответствии с субординацией. Что до Анны Львовны: или руку и сердце предлагай, или голову дружбами не морочь. Она до дружб ещё не доросла. И слава богу!

Со стороны чёрного хода появляется Василий, немного не в своей тарелке. Белозерский этого не замечает, в отличие от Веры.

Вера:

Василь Андреич, что с тобой?

Лакей Василий:

Проводил... барышню.

Вера:

С этими барышнями не только твой молодой барин сядет. Но и старый – состояния и званий лишится. Должен же быть в этом доме хоть один разумный человек!

Смотрит на Василия. Он чуть с сердцем – позволяет быть собой:

Лакей Василий:

Я что могу?!...Могу только рядом поселиться, передачи носить!

Вера тронута его преданностью – от души. Гасит свои чувства иронией:

Вера:

Хоть хорошо платят?

Василий кивает, «шутку понял», отвечает, хоть и с горечью, но тоже иронично:

Лакей Василий:

Если как пособник не пойду – лет на двадцать банковского счёта на передачи достанет. Я экономный.

Вера пожимает Василию плечо. Обращается к нему.

Вера:

Николай Александрович из Берлина вернётся...

Удивлённый и даже ревнивый взгляд Белозерского: Вера не только в курсе, что отец в отъезде, но и знает, куда он отправился.

Вера:

Я ему самолично устрою!

Идёт на выход. Белозерский за ней.

9-18. Нат. Господский дом/у подъезда. День.

(Госпитальный Извозчик, Георгий, прохожие, Концевич, Бельцева.)

Госпитальная карета стоит у подъезда господского дома. На козлах сидят Госпитальный Извозчик (надут) и Георгий (словоохотлив).

Георгий:

И много у вас работы?

Госпитальный Извозчик:

Как откроемся – узнаешь!

Пауза. Извозчик никак не хочет идти на контакт с Георгием, что для него нехарактерно. Георгий не любит подобных невнятных ситуаций. Решает выяснить напрямую.

Георгий:

Так, Иван Петров! Когда и чем я тебе насолить успел? Я, знаешь, не люблю, когда товарищ на меня непонятный зуб имеет.

Госпитальный Извозчик:

Ишь ты, зуб! Моего зуба ещё заслужить надо!

Георгий:

Ну ты... бобёр!

Из господского подъезда выходит Концевич, с саквояжем; на лице – брезгливо-надменное выражение. Георгий, кивая на Концевича, обращается к Извозчику:

Георгий:

Этот, понятно, таким уродился. Но ты ж, я чую, другой!

Концевич садится в карету.

Георгий:

И? Чего?... Ни слова?!

Госпитальный Извозчик тоже очень хочет ляпнуть что-нибудь про Концевича, но сам себя окорачивает:

Госпитальный Извозчик:

А ни слова – значит сказать нечего. Едем!

Понукает лошадь. Трогают. По улице, к господскому дому, идёт Бельцева. Бледная. На неё обращает внимание Георгий. К Извозчику:

Георгий:

Девица – ровно полотно.

Госпитальный Извозчик молча правит, демонстративно не обращая внимания на Георгия.

Георгий:

Я ж не так просто... Я ж с доктором живу. С Верой Игнатьевной!

Извозчик бросает на Георгия ошарашенный взгляд, искоса. Веру Игнатьевну он уважает. Георгий не так интерпретирует взгляд.

Георгий:

Да не в том смысле «живу», дундук-бурундук! В смысле: я за неё в огонь и в воду.

9-19. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

(Вера, Концевич, Кравченко.)

Вера и Кравченко проводят совещание. Стук в дверь. Заходит Концевич. Кладёт бумаги с отчётами о вызовах перед Верой.

Концевич:

Ещё один нервный припадок. Итого за истекшую неделю опробованного модуса: двенадцать нервных припадков – все в возрасте прекращения функционирования яичников; пять вздутых животов, и один приступ подагры.

Вера:

Все обслуженные семейства купили страховой полис клиники, и не вижу ничего зазорного в том, чтобы за деньги выслушать жалобы, поставить клизмы...

Концевич:

...и дать невыполняемые рекомендации по воздержанию в возлияниях.

Вера:

Дмитрий Петрович, не забываетесь! Из этих денег образуется, в том числе, ваше жалованье.

Кравченко:

Но сколько сил и ресурсов будут отнимать подобные пациенты, когда клиника начнёт работу.

Вера, строго глянув на него – именно Кравченко был основным противником тезиса Белозерского-Старшего о том, что медицина такой же товар, как и любой другой. Сама она может не разделять точку зрения донора, но коль скоро она пользуется его деньгами – обязана соответствовать. Отвечает Кравченко:

Вера:

Значит, мы обеспечим работой большее число молодых ординаторов. Чем улучшим и их качество жизни.

Оглядывает обоих: вопросы, господа?!

Концевич:

Дело даже не в том, что... Просто все эти «высокие особы» – ужасные пациенты! Они нетерпеливы, избалованы! И наличие хотя бы и лёгкого недомогания, происходящего от их истеричности, неправильного образа жизни, – ставят в вину врачу.

Вера:

(к Кравченко, слегка ехидно) Дмитрий Петрович ещё не знает, что самым громким успехом и самыми большими гонорарами пользуются именно те врачи, которые способны часами выслушивать ипохондриков и выписывать ненужные пилюли.

Кравченко:

...И о которых понимающие дело товарищи отзываются с презрением. И к помощи которых ни один из самих врачей обращаться не станет.

Вера:

Господа! Оставьте свой псевдопрофессиональный снобизм. Я пока не наблюдаю, чтобы взбалмошная дамочка в климаксе отвлекала вас от дел спасения жизней. Обещаю вам лично клизмить вздутый живот, коли ваши руки будут заняты брюшной аортой!

Вера говорит это таким тоном, что её собеседники понимают: возражать нечем и бессмысленно, разговор окончен.

9-20. Нат. Господский дом/у подъезда. День.

(Господский Лакей, Бельцева.)

Из дому выходит Господский Лакей – бежать по какой-то господской надобности – на ступеньках без сознания лежит Бельцева. Он к ней, тормошит – без эффекта. Он берёт её на руки, заносит в дом.

9-21. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

(Вера.)

Вера стоит у окна. Задумалась, нахмурившись. Решительно идёт к столу, тянет руку к телефону – тут он звонит. Она вздрагивает от неожиданности, берёт трубку.

Вера:

Клиника Святого Георгия, доктор медицины Данзайр!

Слушает. Ещё больше нахмуривается. Берёт карандаш, записывает адрес. Видит бумаги от Концевича – сверяет адрес с верхним листом, там вызов последнего «нервного припадка» – совпадает.

Вера:

Сейчас будем.

9-22. Инт. Господский дом/холл. День.

(Вера, Господский Лакей.)

Господский Лакей открывает двери, входит Вера.

Господский Лакей:

Прошу наверх! С хозяйкой опять припадок случился.

Вера стремительно поднимается по лестнице, в решительном настроении. Господский Лакей за ней.

Господский Лакей:

Горничная шлялась неизвестно где. А как явилась – так ей, вишь, нехорошо. Чаем покрепче и послаще, понятно, отпоили.

Вера резко останавливается, Господский Лакей на неё натывается.

Вера:

Кого?!

Господский Лакей:

Горничную, знамо дело. Хозяйке прежний ваш доктор сказал крепкого и сладкого не пить. Не возбуждать нервную систему.

Вера быстрее наверх – в куда большей тревоге (приехала она в решительности навалить господам за ложные вызовы по пустякам; очевидно, её теперь больше беспокоит горничная).

9-23. Инт. Господский дом/столовая. День.

(Хозяйка, Хозяин, Бельцева, прислуга, Вера, Господский Лакей.)

Все окна в столовой нараспашку, холодно. Хозяйка лежит на кушетке, вокруг неё собралась прислуга, в числе прочих – Бельцева (белая, как мука). Вера стремительно заходит (за ней семенит Господский Лакей) в столовую, видит Бельцеву. Бельцева её узнаёт, но, как и обещано – виду не подаёт. Вера идёт напрямик к Бельцевой, игнорируя Хозяйку, молча берёт её запястье, щупает пульс, глядя на свои часы.

Хозяйка:

Душно! Жарко! Задыхаюсь! Кто ещё здесь?!

Вера рекомендуется холодно, в пространство, для пущего весу, хотя не любит титулы, но тут как раз тот случай, когда они необходимы:

Вера:

Княгиня Данзайр, доктор медицины, глава клиники Святого Георгия.

Хозяин:

(К Вере) Помогите жене, ей плохо!

Вера сканирует взглядом Хозяина, смотрит на Бельцеву – отмечает и его мельком взгляд на Бельцеву, слишком уж обеспокоенный, но вовсе не состоянием девушки (равно и состоянием жены он не слишком озабочен, для проформы суетится), трусливый взгляд, нашкодивший.

Вера:

(демонстративно громко, в сторону Хозяйки) Когда последняя менструация?!

Прислуга смущается, опускает глаза; хозяйка громко ахает таковой бестактности, театрально «лишается чувств», откинувшись на подушки.

Хозяйка:

Ах!

Вера:

Понятно. Пятьдесят пять уже есть. Вот и жарко. *(к Хозяину)* Приливы у вашей драгоценной супруги.

Бельцева беззвучно валится кулём, Вера подхватывает её на руки, идёт с ней на выход. Громко обращаясь к Хозяину.

Вера:

Я и помогаю тому, кому плохо. Госпитализирую вашу горничную в Царско-Сельскую клинику. Мы пока закрыты. Счёт вам присылать?

Красноречиво смотрит на Хозяина. На него же из-под прищуренного глаза смотрит и Хозяйка – похоже, она в курсе, или подозревает мужа в связи с горничной. Но выйти из «обморока» пока не считает приличным. Хозяин, на лице которого промелькнула гамма чувств, предпочитает почти незаметно утвердительно кивнуть. Вера на выход с Бельцевой. Хозяин идёт за Верой, тихо:

Хозяин:

С женой-то что делать?

Вера отвечает тоже тихо, но жёстко, красноречиво кивая на бесчувственную Бельцеву:

Вера:

То, что, вот, с ней делали. И желательно – регулярно. Жене уже и приплод не грозит.

Жена не слышит, что там они говорят у дверей, громко охнув, «выходит» из обморока.

Хозяйка:

Мне кто-нибудь поможет?!

Вера:

(громко, полуобернувшись) Конюх помоложе!

Выходит. Хозяйка грозно смотрит на Хозяина. Потупившаяся прислуга пытается сдерживать злорадные ухмылки.

9-24. Нат. У подъезда к Царскосельскому госпиталю. День.

**(Вера, Госпитальный Извозчик, Георгий,
Бельцева, посетители, персонал, Покровский.)**

Госпитальный Извозчик и Георгий (принимает носилки) выносят Бельцеву из кареты. Вера сопровождает, все её беспокойства сейчас о пациентке и о том, как выкрутиться из щекотливой, опасной для неё и для Белозерского, ситуации с абортom; ситуации, опасной и для самой Бельцевой. Группа идёт ко входу. Мимо, в числе прочих, проходит господин Покровский (крепкий породистый мужчина лет пятидесяти пяти-шестидесяти). Вера ни на что и ни на кого не обращает внимания. Господин Покровский тоже в своих мыслях. Поравнялись... И тут Бельцева открывает глаза: пришла в себя. Вера приостанавливает носилки, к Бельцевой (следующие её вопросы выглядят, будто она проверяет сохранность ментальной функции пациентки):

Вера:

Какой сегодня день?!

Бельцева:

Вторник.

Господин Покровский, услышав голос Веры, застывает на месте, хотя уже прошёл. Но пока не оборачивается.

Вера:

(к Бельцевой) Знаешь, кто я?

Бельцева – сообразительная, – через короткую паузу она отрицательно качает головой (хотя глаза говорят: «да; но я всё помню и всё понимаю»)

Бельцева:

Нет.

Вера:

Я – врач. У тебя случился выкидыш. Ты потеряла ребёнка.

Вера, несмотря на жёсткий тон, ласково гладит Бельцеву по руке. Та благодарно пожимает пальцы Веры в ответ, закрывает глаза, стекает слеза – выглядит всё естественно. Впрочем, Бельцева действительно переживает то, что потеряла ребёнка, грех гложет её душу – она воспитана в традициях; но и благодарность к Вере она испытывает. Вера молча кивает. Трогает Георгия (у головного конца носилок) за плечо: пошли. Покровский оборачивается. Смотрит Вере вслед. Вера чувствует взгляд – как чувствует пристальный заинтересованный взгляд любой человек, тем более такой опытный и чувствительный, как Вера. Она оборачивается – видит посреди прочих, – только спину удаляющегося Покровского. Не узнаёт. Хмурится, не понимая почему. Заходят в клинику с носилками.

9-25. Инт. Царскосельская клиника/кабинет первичного осмотра. День.

(Вера, Врач клиники, Бельцева.)

Врач Клиники, мужчина средних лет. Бельцева лежит на кушетке. Врач записывает с Вериних слов.

Вера:

Поступил телефонный звонок, горничная Бельцева, из обслуживаемого нами дома. Жалобы на слабость, кровотечение. Самопроизвольный выкидыш.

Врач клиники:

Не замужем?

Горничная краснеет. Вера строго, «объясняя» то, что и так понятно врачу: была бы замужем – не служила бы горничной.

Вера:

Горничная!.. Осмотрена мною. Необходимые назначения: эргометрин, холод на низ живота.

Врач клиники:

Зачем госпитализировали?

Вера:

Для восстановления организма. Кровопотеря. Соответственно – слабость. А у господ нынче балы, покоя не будет.

Врач клиники:

Всё-таки... Не замужем. Выкидыш. Мы в таких случаях обязаны сообщать...

Вера:

(перебивает) Вы подвергаете сомнению МОИ слова?

Врач клиники:

Скорее... *(запинается)*

Вера:

Скорее: слова этой несчастной девушки, которую вы укоряете тем, что она не замужем?! Или... Если я вас верно поняла – и ещё чем похуже?! Преступными намерениями?!

Врач Клиники под тоном Веры невольно поднимается, чуть не вытягивается во фронт, смущён. В Царскосельской больнице все хорошо

знают, кто такая княгиня Данзайр и отлично осведомлены о её дружбе с императрицей.

Врач клиники:

Что вы, Вера Игнатьевна! Я сам всю эту полицейскую возню не люблю! Да и они эти случаи не горят желанием разбирать...

Вера:

(холодно, насмешливо) Можно ведь и разобраться ненароком!

Врач Клиники понимающе кивает, печально усмехается, расслабляется, садится, пишет, проговаривая.

Врач клиники:

Эргометрин, холод, покой. Три дня.

Вера, глянув на Бельцеву, измождённую от трудов и нервов, не говоря уже об операции аборта и кровотечении:

Вера:

Пять. Пять дней полного покоя. И стол пропишите офицерский.

Врач хочет возразить, но Вера ангельски уставилась на портрет государыни императрицы (которая и осуществляет патронат Царскосельского госпиталя). Врач кивает.

Вера:

(к Врачу Клиники) Оставьте нас наедине.

Врач клиники:

(вставая) Конечно, княгиня!

Выходит. Вера подходит к Бельцевой, садится на край кушетки, берёт её за руку. Бельцева бросается целовать Вере руку.

Вера:

Прекрати немедленно, дура! Я не тебя спасаю! Я себя спасаю! И молодого доктора! Как выпишут – приходи. Вот... *(достаёт из кармана визитную карточку, отдаёт Бельцевой)* Нам нужны сёстры милосердия.

Бельцева благодарно смотрит на Веру, начинает плакать, шепчет:

Бельцева:

Спасибо!.. Меня хозяйка со свету сживала. Идти некуда...

Вера встаёт, качает головой, смотрит в окно. Взгляд печальный, холодный, жёсткий.

Бельцева:

Я хотела его родить... Но – как? Куда? На что жить?

Вера:

Я знаю одну чудесную женщину – она смогла. Но какой ценой?! Продавая себя...

Бельцева:

Ей пришлось... торговать своим телом?

Вера, не оборачиваясь, горько усмехается. Моргает, скатываются слёзы.

Вера:

Хуже... Душой.

Оборачивается, видит перепуганный взгляд Бельцевой.

Вера:

Она хотела спасать женщин. Но... женщины не хотели спасаться. И она вынуждена была пойти на сделку с собственной совестью. По ряду причин. В том числе – из-за своего дитя. Так что, может, как у тебя – не худший исход. Ты – свободна.

Бельцева:

Почему же вы плачете?

Вера:

Потому что я... свободна.

9-26. Инт. Публичный дом/квартира хозяйки/гостиная. День.

(Лариса Алексеевна, Сапожников.)

Лариса Алексеевна пишет письмо, довольная, радостная. В гостиную входит Яков Семёнович Сапожников.

Сапожников:

Девицы осмотрены, дражайшая Лариса Алексеевна. Клёпа на удивление быстро идёт на поправку, но к господам её ещё нельзя.

Лариса Алексеевна:

Сама долго не захочет. Она теперь решила в порядочные женщины податься.

Сапожников:

(с ехидной готовностью) А и слава богу! Так и представляю Клёпу сельской учительницей. Или... сестрой милосердия.

Хихикает. Лариса Алексеевна поднимает на него суровый взгляд.

Сапожников:

Молчу, молчу! Да только вы лучше меня знаете, любезная, кто в это ремесло попал – другой жизни не захочет. Как бы тяжело ни было – это надо собой иметь здесь *(показывает на голову)* и здесь *(прикладывает руку к груди)*. *(меняя тему)*... Как сынок?

Лариса Алексеевна:

Прекрасно! Первый ученик на курсе. Уж русский забывать стал. Вот выучится – и к нему поеду.

Сапожников:

И чем займётесь?

Лариса Алексеевна:

Внуков буду растить.

Сапожников:

Хорошо бы! Да только деткам мы нужны пока им помогать способны. А внуков тех ещё иди знай, когда получите. И получите ли вообще. Стали бы вы этим *(жест, имея в виду бордель)* заниматься, если бы не нужды сына?

Лариса откладывает письмо, уставляется сурово на врача.

Лариса Алексеевна:

Я же надеюсь...

Сапожников:

Вашу тайну знают только присутствовавшие на родах: я и Вера Игнатьевна. За княгиню Данзайр поручаться не надо. А я, может и не такой уж чести человек, но испытываю неверо-

ятное удовольствие все эти годы наблюдать всеведающего самодовольного Андрея Прокофьевича.

Лариса знает, что Яков Семёнович куда добрее, чем желает показаться. И любит её. Встаёт, идёт к нему, обнимает.

Лариса Алексеевна:

Сейчас чаю попьём, старый дурак.

Он обнимает её в ответ, говорит с горечью:

Сапожников:

Избаловала ты сына, Ляля. Страшно избаловала. Ни в чём отказу не знал, и не знает. Он хорош собой, умён и очень эгоистичен. Весь в папашу. Как бы беды ни вышло.

Лариса отстраняется, шутливо стучает его кулачками по груди. Крестится, при этом трижды сплёвывая через левое плечо.

Лариса Алексеевна:

Не каркай!.. Мальчишка и должен быть красив, умён и эгоистичен. Вон, Сашка Белозерский каков? И никаких бед!

Лариса ещё раз плюёт через левое плечо. Яков Семёнович смотрит на Ларису с печалью. Прикладывает руку к груди – как когда говорил о проститутках.

Сапожников:

У наследника императора кондитеров здесь не сбоит.

9-27. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Белозерский, Бригадир, Вера, Госпитальный Извозчик, Георгий.)

Бригадир (в возрасте, из 1-й сцены) курит на крыльце. Из клиники выходит Белозерский – ему сейчас заняться нечем, а подмеченная им у Бригадира анизокория не даёт ему покоя. Бригадир скорее весел, чем зол, но к доктору относится с покровительственным пренебрежением. Как и к медицине в целом.

Белозерский:

Перекур? Хорошее дело. Позвольте, я вас осмотрю. Считаю, две папиросы выкурили. Это не больно, недолго, и к тому же – бесплатно!

Бригадир:

Что ж вы ко мне, доктор, прицепились-то, как репей до собаки! Говорю ж вам, я здоров! Да и толку от вас, докторов!.. У меня доктора племяша зарезали.

Белозерский:

Это как?!

Бригадир:

А так! Лечили-лечили, надоело, видать. Так они: хрясь по горлу – и зарезали!

Белозерский:

Это очень печально. Но разрешу себе усомниться в вине врачей. Предполагаю, у вашего племянника был дифтерит. Вероятно, плёнками забило дыхательные пути и доктор выполнил трахеотомию...

Бригадир начинает раздражаться. Во двор заезжает госпитальная карета.

Бригадир:

Не знаю, что там разрешу, предполагаю и вероятно, однако к вечеру, как утром зарезали, племяш отмучился.

Белозерский незаметно выдыхает: то есть он прав, и ребёнок умер от дифтерита, а не от «хрясь по горлу». Карета уже подъехала. Из салона выходит Вера, идёт к крыльцу, доставая портсигар. Смотрит на Бригадира – тоже подмечает анизокорию, на свету она сильнее, чем в коридорах клиники. Смотрит на Белозерского вопросительно – тот пожимает плечами.

Белозерский:

Вот, Вера Игнатьевна. Хочу обследовать, а он отказывается. Не верит в медицину и докторов.

С козел тем временем спускается Георгий, несколько медленнее, чем это бы делал совершенно здоровый человек. Госпитальный Извозчик спрыгивает быстрее и ловчее. Белозерский тихо, к Вере, кивая на Георгия:

Белозерский:

Как он?

Вера:

Ничего. У него с головой всё в порядке. *(К бригадиру)* А вот у тебя...

Вера задумывается. То, что на него с тревогой смотрит глава клиники – настораживает Бригадира.

Бригадир:

Всё у меня в порядке! Особенно с головой! И руками я соображаю получше, чем эти ваши, после университетов, в форменных тужурках. Будто мундир чего добавить может. *(выразительно стучит по лбу)*

Вера:

(своим мыслям, рассеянно)... Или убавить... *(К Бригадиру)* Слушай, Матвей, ты – человек мастеровой, с инженерным складом ума. Совет твой нужен, мы тут с одной штукой не до конца разобрались.

Вера незаметно подмигивает Белозерскому. Бригадира раздуло от гордости – глава клиники оценила его и совета просит.

Бригадир:

Это – всегда пожалуйста с нашим удовольствием!

9-28. Инт. Клиника/комната с рентген-аппаратом. День.

(Бригадир, Вера, Белозерский.)

Заходят в комнату с рентген-аппаратом. Белозерский надеется, что агрегат удивит Бригадира, всё-таки чудо научной мысли, воплощённое в реальную технику. У того же, напротив, скептическое выражение лица. Подходит поближе, рассматривает тумблеры.

Бригадир:

Знаком мне подобный агрегат. В девяносто шестом году мы в Кронштадтском госпитале работали. Я инженеру Попову аккурат такой собирал... У вас тут хоть и буквочки заграничные, а так – точь-в-точь.

Белозерский:

Попову?! Александру Степановичу?

Бригадир:

Кому ж ещё?

Белозерский:

Почётному инженеру-электрику, ректору Санкт-Петербургского императорского электротехнического института Александра Третьего? Статскому советнику Попову?!

Бригадир:

Ему, батюшка, ему! Только в девяносто шестом он ещё попроще был, вроде вас сейчас. Так уж я его многому научил...

Вера только беззвучно смеётся, Белозерский глаза таращит: «ну ты и наглый...». Бригадир очень важный.

Бригадир:

Что вам, господа доктора, с этой хреновиной непонятно?!

9-29. Инт. Клиника/комната с рентген-аппаратом. День.

(Бригадир, Вера, Белозерский.)

Бригадир лежит на цинковом столе, над головой – мобильный модуль с лучевой трубкой. Белозерский устраивает Бригадиру голову поудобней.

Вера:

Ты, Матвей Макарович, нам шайтан-машину наладил – на тебе и пробуем.

Бригадир с наигранным недовольством русского умельца, который нисколько в себе не сомневается, бит жизнью.

Бригадир:

Вот всё у нас так: кто дело делает – тот и в ответе. А ничего не делай – и будешь всегда правым!

Белозерский:

Се ля ви.

Бригадир:

Жить широко – хорошо, но и уже – не хуже.

Вера корчит Белозерскому рожицу: вот так тебе, с твоим французским! Белозерский невербально: не поспоришь! Вера обращается к Бригадиру.

Вера:

Матвей, полтора часика отдохни. Не шевелясь.

Бригадир:

Знаю я процедуру, у меня от Попова изображение руки есть. Жена – страсть боится. Так уж я ей как свою голову принесу...

Смеётся. Обрывается. Нарочито серьёзнееет, облакаясь ответственностью.

Бригадир:

Давай, нажимай, Александр Николаич. А я, и правда, устал, посплю. Я умею спать по стойке «смирно!»

Закрывает глаза.

9-30. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

(Вера, Белозерский.)

Вера и Белозерский рассматривают пластину со снимком черепа Бригадира.

Белозерский:

Гигантское новообразование правой половины и основания черепа.

Вера:

Без признаков нарушения функций мозга.

Белозерский:

И что мы будем делать?

Вера:

Ничего.

Вера идёт к столу, садится, кладёт снимок на стол, приклеивает к снимку в правом нижнем углу бумажную карточку, пишет: *Матвею Макаровичу Громову от главы клиники Святого Георгия с благодарностью за помощь в техническом обслуживании аппарата Рентгена-Попова.* Белозерский в растерянности, удивлён спокойствию Веры.

Белозерский:

Как ничего?! Уже в тысячу восемьсот сорок четвёртом году профессор Харьковского университета Тито Ванцетти удалил подобную опухоль...

Вера:

(не отрываясь от подписывания)...И больной скончался на тридцать вторые сутки от инфекционных осложнений.

Белозерский:

Но асептика и антисептика с тех пор значительно продвинулись! И уже накоплен опыт...

Вера заканчивает писать, поставив размашистую подпись; смотрит на Белозерского строго, перебивает его тираду:

Вера:

Старший ординатор Белозерский!

Он уставился на Веру. Её задача – отвлечь его сейчас от понесшейся скачки идей. Она, помахав снимком:

Вера:

Матвей Громов – живой человек. А не полигон для наших с тобой изысканий. У него семья. И если бы твой глаз не был так пытливым, и не заметил разницу зрачков при реакции на свет... Бог знает, сколько он живёт с этой опухолью. И бог ещё знает, сколько проживёт.

Белозерский:

Но как же...

Вера:

Вот если мы полезем с пилой ему в башку – он скорее всего умрёт!

Белозерский:

Но почему же...

Вера:

И мы даже говорить ему ничего не станем!

Белозерский:

(в отчаянии) Но зачем же мы знаем?! К чему все эти чудесные аппараты, если мы ничем не можем помочь?! Как же: мы даже не попытаемся?!

Вера:

Саша...

Вера встаёт из-за стола, берёт снимок, подходит к Белозерскому, ласково берёт его за плечо:

Вера:

Даже если мы ему скажем – нужно его согласие на операцию. А он откажется. И будет жить, зная. Не веря – но уже зная. И нет хуже мук сомнения. Сомнения – единственный дар знания. Оставим ему его веру. Веря в то, что здоров, наш славный Матвей проживёт ещё достаточно. Отнеси ему.

Белозерский механически принимает снимок, пробегает подпись Веры. Поднимает на неё всё ещё растерянный взгляд.

Белозерский:

Но зачем тогда всё это?! Зачем нам знать, если мы ничего не можем сделать?!

Вера усмехается. Смотрит на Белозерского.

Вера:

Когда Адам проглотил оскомина от яблока с древа познания, первое, что он сделал – уставился на Еву примерно с таким же выражением и задал ей тот же вопрос.

Белозерский спрашивает совершенно серьёзно:

Белозерский:

И что она ответила?

Вера:

Она ответила: «Я только предложила. Ты мог отказаться».

Вера идёт за стол, давая понять: свободен.

Белозерский:

Но я не отказался!

Вера смотрит на него, изображая Еву, в меру шутливо, в меру – грозно:

Вера:

За своё решение я расплачиваюсь тем, что в муках рожаю детей. *(Намекая на произошедшее сегодня)* НЕ рожаю – в ещё больших! И ты смеешь ко мне лезть с непереваренным яблоком?! Пошёл вон!

9-31. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Бригадир, Георгий, Госпитальный Извозчик, Белозерский.)

Госпитальный Извозчик и Бригадир разговаривают. Георгий на ступеньках курит, потирая бедро. Усмехается иным словам Извозчика – тот, хоть и типа занят беседой, – однако всё отмечает.

Госпитальный Извозчик:

На что мне электричество в конюшне?! Нам с лошадьми балы после заката не давать!

Бригадир:

А как кобыла ночью рожать начнёт?

Госпитальный Извозчик:

У меня здесь не завод! Господам денег некуда девать – а я боюсь.

Бригадир:

Чего ж ты боишься, тёмный ты человек?! Тебе только рычажок туда-сюда елозить.

Госпитальный Извозчик пожимает плечами.

Госпитальный Извозчик:

Да чёрт его знает! А только если электричество – явление природы – то его надо бояться!

Вот ты мне тут про молнии объяснял...

Выходит Белозерский.

Белозерский:

Матвей Макарович!

Подходит к ним. Протягивает Бригадире пластину с рентген-изображением черепа.

Белозерский:

Это вам! Спасибо за помощь!

Бригадир берёт, пробегает запись Веры, важно кивает, показывает снимок любопытничающему Извозчику.

Бригадир:

Гляди, Иван Ильич!

Госпитальный Извозчик, увидав изображение черепа, пугается, крестится.

Госпитальный Извозчик:

Святые угодники!

Сплёвывает. Белозерский смеётся. Усмехается Георгий, чуть скривившись от боли в культе.

Бригадир:

Без электричества эта бесовщина была бы невозможна! Мне господин Попов всё объяснил. Нужен ток в катодной трубке...

Смотрит на выкатившиеся шары Извозчика, машет рукой: «без толку!»

Бригадир:

А!

К Белозерскому, немного помолчав. С якобы насмешливым пренебрежением.

Бригадир:

Нашли у меня чего, господина доктора?

Белозерский:

...Нет. Здоров ты, Матвей Макарович.

Бригадир:

(рассматривая снимок черепа) Смерть сама знает, когда к кому...

Госпитальный Извозчик, опасливо глянув на снимок, и ещё раз перекрестившись, резюмирует:

Госпитальный Извозчик:

Во-во! И электричество ваше ей для этого ни к чему.

9-32. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Бригадир, Георгий, Госпитальный Извозчик, Белозерский, Матрёна Ивановна.)

Бригадир и Госпитальный Извозчик уходят в сторону конюшни. Белозерский садится рядом с Георгием.

Белозерский:

Болит?

Георгий:

Когда ходишь – нет. Но уж как присядешь, или того хуже – приляжешь!.. *(махнув рукой, меняет тему)* Слушай, Александр Николаевич, а что за человек наш извозчик?

Белозерский:

Иван Ильич? Славный мужик.

Георгий:

Сдаётся, невзлюбил он меня.

Белозерский:

Быть не может! Он только таких *(жестикуляция: таких-сяких, высокомерных)* не любит. Таких как ты, он всегда привечает. *(шутливо толкает Георгия).*

На пороге появляется Матрёна, нехарактерно мила. Хотя и насупливается, увидав Белозерского.

Матрёна Ивановна:

Георгий Романович, идёте обедать. Уж давно пора.

Георгий поднимается – первые движения отражаются болью на лице. Белозерский встаёт, хочет подать ему руку. Мимика Георгия, не видна Матрёне: «не вздумай, барин!» Встаёт, разворачивается.

Георгий:

С удовольствием, Матрёна Ивановна!

Пропускает её вперёд, жест: «прошу!» Заходит, подмигнув Белозерскому. Белозерский делает бровушками, глядит в сторону, куда ушёл

Госпитальный Извозчик, затем на дверь. Соображает, отчего невзлюбил Извозчик Георгия: из ревности к Матрёне.

Белозерский:

Вот оно что!

Зеркалит Верину реплику из сцены в кабинете:

Белозерский:

Она только предложила. Ты мог отказаться!

Усмехается, заходит в клинику.

9-33. Инт. Клиника/ординаторская. День.

(Белозерский, Концевич, Кравченко.)

Белозерский собирается, снимает белый халат, вешает в шкаф. Кравченко сидит за столом с бумагами. Заходит Концевич. Белозерский в прекрасном настроении (вечером к Вере).

Белозерский:

Хорошего дежурства не желаю, Дмитрий Петрович! Плохая примета... Эх, скорей бы уже открылись!

Жмёт руку Концевичу, хлопает по плечу. Салютует Кравченко:

Белозерский:

Владимир Сергеевич!

Выходит из ординаторской. Концевич сел на подоконник, достал бутерброд.

Кравченко:

Дмитрий Петрович, почему с персоналом никогда не обедаете?

Концевич пожимает плечами.

Концевич:

Не любят они меня.

Кравченко:

А вы их?

Концевич снова пожимает плечами, говорит равнодушно.

Концевич:

Я к ним прекрасно отношусь. Без них – никак.

Кравченко отрывается от бумаг, смотрит на Концевича, со значением:

Кравченко:

Вы бы продемонстрировали им своё прекрасное отношение.

Концевич:

Я никогда не демонстрировал обратное.

Кравченко встаёт, даже слегка на нерве, отбросив ручку:

Кравченко:

Так продемонстрируйте прямое!

Концевич откусывает бутерброд, жуёт, ровно, без эмоций. Кравченко начинает расхаживать по ординаторской – в своих мыслях, в его повадке сейчас нет никакого отношения к Концевичу.

Концевич:

Почему Вера Игнатьевна на повторный вызов сама поехала?

Кравченко:

Видимо потому, что у неё лучше получается с прислугой, чем у вас! Души в вас нет, господин Концевич. Это для любого дела плохо.

Концевич:

В любом деле человек – всего лишь аргумент заданных функций.

Кравченко:

Вы, очевидно, окончили гимназию с отличием.

Концевич, продолжая жевать, отвечает лёгкий поклон: «да».

Кравченко:

И знаете, что даже в алгебре «аргумент заданных функций» трактуется как «неизвестная» или же «переменная».

Концевич:

И из той же алгебры мне отменно известно, что уравнение – есть равенство вида. И неважно, каким путём оно достигается.

Кравченко садится, усмехнувшись, возвращается к писанине.

Кравченко:

Отнюдь нет. Решение уравнения достигается поиском тех значений аргументов, при котором возможно равенство.

Концевич (так же спокоен и равнодушен, дожеввал бутерброд, стряхнул крошки), сминает пакет.

Концевич:

Владимир Сергеевич, вы знаете как с арамейского переводится слово «грех»?

Кравченко:

Буквально: не попасть из лука в цель.

Концевич кидает смятый пакет в мусорную корзину – чётко попал. Встаёт, идёт на выход.

9-33. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Госпитальный Извозчик, Белозерский, Ася.)

Белозерский выходит из клиники, весел. Госпитальный Извозчик сидит на ступеньках, хмурый.

Белозерский:

До завтра, Иван Ильич! Гляди веселей!

Идёт на выход. Из клиники выбегает Ася, догоняет Белозерского.

Ася:

Александр Николаевич!

Он радостно оборачивается к ней.

Белозерский:

Да, Ася?

Смотрит с искренней дружеской заинтересованностью.

Ася:

Александр Николаевич... Мне кажется, что Владимир Сергеевич... Что он...

Ася смущается. Но даже этот последний женский аргумент: вызвать ревность, – совершенно бесполезен. Ася окончательно понимает, что Белозерский к ней не испытывает ничего такого, на что она втайне продолжала надеяться. Белозерский продолжает за неё, видя её смущение и неверно считывая его как просьбу к другу о мнении, о совете:

Белозерский:

Влюблён в вас? Господи, Анна Львовна! Это все видят! Он прекрасный человек!

Ася тихо, опустив глаза...

Ася:

А вы... Вы влюблены в Веру Игнатьевну?

Белозерский берёт её за руки.

Белозерский:

Я люблю её. Это сильнее. Больше. И... хуже!.. Вы, дружок, господина Кравченко не отвергайте. Это только кажется, что он неромантичный, сдержанный. Он, всё-таки, морской офицер. И знает цену бурям.

Белозерский целует Асю в щёку – дружеский жест.

Белозерский:

До завтра, Асенька!

Идёт на выход, не оглядываясь. Ася стоит столбом некоторое время. Справляется с подкатившей слезой. Разворачивается, идёт ко входу в клинику. Садится рядом с Госпитальным Извозчиком. Не выдерживает – плачет. Тихо, без всхлипов. Просто слёзы текут. Извозчик с заботливыми отеческими интонациями бурчит:

Госпитальный Извозчик:

Ладно ты, молодая! Тебе можно. И нужно! А я, старый дурак, по Матрёне сохну. Она мне надо, мать её игить?!

Ася сквозь слёзы улыбается, прислоняется к плечу Извозчика. Он гладит её по голове, как погладил бы лошадь – это его самая душевная ласка.

Госпитальный Извозчик:

Ну будет, будет солёную воду из глаз лить! У нас теперь уборные с электричеством! Не промахнёшься!

Ася смеётся.

9-34. Инт. Квартира Веры/коридор/лестничная клетка. Ночь.

(Вера, Покровский, Белозерский.)

Звонок в двери. Вера в довольно фривольном наряде – она ждёт Белозерского, – и в таком же легкомысленном настроении (Белозерский ей нужен не для совести, а для радости) выходит из гостиной в коридор, идёт к входной двери, открывает. На пороге стоит Покровский, придет, с цветами, с бумажным пакетом. Вера замирает. Практически – немая сцена. Покровский спокоен и уверен. Отмирает первым.

Покровский:

Здравствуй, Вера.

Вера так и молчит, не в силах пошевелиться.

Покровский:

Не знал, что ты в Питере... Я видел тебя днём. В Царскосельском госпитале. Забавно... Сегодня утром я овдовел.

Усмехается. Вера выговаривает деревянным голосом (без трагизма, скорее с уклоном в шутовство):

Вера:

«Поздно, Дубровский. Я жена князя Верейского».

Покровский:

(усмехнувшись) Ты мало изменилась... Я войду?

Вера:

Я жду гостей.

Покровский окидывает её взглядом – наряд красноречив.

Покровский:

Скорее: гостя. Насколько я способен понять контекст. Если ты, конечно, не погрузилась в пучину дионисийских развлечений.

Слышен топот по ступеням. Вера и Покровский смотрят друг на друга. На пороге появляется довольный жизнью Белозерский (с букетом и бумажным пакетом: конфеты, бутылка).

Белозерский:

Здра!.. стуйте.

Покровский смотрит на Веру, смотрит на Белозерского. Вера явно не собирается их представлять друг другу. Покровский берёт инициативу в свои руки. Перехватывает пакет под мышку, протягивает Белозерскому руку:

Покровский:

Покровский. Илья Алексеевич. Фабрикант. Старый друг Веры Игнатъевны.

Белозерский ошарашен, но, перехватив пакет, протягивает руку. Рукопожатие. У обоих букеты в свободной руке и пакеты под мышками.

Белозерский:

Белозерский. Александр Николаевич. Врач... Нестарый друг Веры Игнатъевны.

Вера, не выдержав комизма ситуации, прыскает.

Конец 9-й серии

Татьяна Соломатина

Община Святого Георгия

10-я серия

Новый день

10-1. Домик бригадира/коридор/кухня/коридор. День.

(Дух Бригадира, Жена Бригадира.)

Через неделю. Опрятный небольшой пригородный домик, «куркульский» (Бригадир, Матвей Макарович Громов – квалифицированный рабочий, давно бригадиром на хороших подрядах). Дух Бригадира (выглядит обыкновенным живым человеком из плоти и крови) в исподнем, почёсываясь, выходит из спальни. Потягивается, зевает, крестит рот. Идёт на кухню. У печи возится Жена Бригадира. Он подходит к ней сзади, не без игривости (хотя им уже за пятьдесят).

Дух Бригадира:

Доброе утро, Алёна Степановна!

Шлёпает её по заду – она ноль эмоций. Достает из печи горшок, ставит на стол. Он разводит руками, в недоумении – как воспринял бы любящий и любимый, если на его нехитрую ласку никак не отреагировали. Даже не посмотрели. Разводит руками. Жена продолжает приготовления к завтраку.

Дух Бригадира:

Вот те на! С вечера довольная осталась! Никак приснилось что?!

К ней, лукаво усмехаясь:

Дух Бригадира:

Как, было, тебе приснилось, что я с Зинаидой шуры-муры – так ты со мной неделю не разговаривала! Я за твои, знаешь, фантазии, Алёнушка, ответственности не несу!

Хочет обнять жену, но она – уже накрыв на стол, – выходит из кухни в коридор, не замечая его. Оставшись один, всплескивает руками, с досадой:

Дух Бригадира:

Чёртовы бабы! *(выходя за женой, ласково)* Алёна Степановна! Хоть расскажи, что тебе причудилось! Вот мне никогда ничего не чудится!

В коридоре: видит, как жена заходит в спальню. По коридору идёт кошка, самая обыкновенная, любимица семьи. Увидела Дух Бригадира Громова – шипит, шерсть дыбом, выгнулась дугой. Дух, начиная выходить из себя:

Дух Бригадира:

Мурка, ты чего?! Побесились вы, что ли, все?!

Заходит за женой в спальню.

10-2. Инт. Домик Громова/Спальня. День.

(Бригадир, Дух Бригадира, Жена Бригадира.)

Дух Бригадира заходит в спальню. Останавливается на пороге, вид – ошарашенный. Видит жену, склонившуюся к постели. Слышит её ласковый голос:

Жена Бригадира:

Матвей, я завтрак накрыла. Вставай. У тебя сегодня *(важно выговаривая «мужнину» слово)* объект открывается. Костюм вычистила.

На стуле сложен «парадный костюм», внизу стоят начищенные выходные сапоги. Дух Бригадира у двери таращит глаза, силясь понять, что происходит. Крестится на красный угол. Тихо, с опаской:

Дух Бригадира:

Никак с ума сошла? С чего бы ей? Всё есть. Обихаживаю, как молодую. *(к ней)* Алёна Степановна...

Она не оборачивается. Продолжает обращаться к возвышающемуся одеялу (остальное ему не видно), присев на край кровати.

Жена Бригадира:

Будет, Матюша! Просыпайся!

Слегка тормозит одеяло. Голос меняется – она напугана. Громче, сильнее тормоша одеяло:

Жена Бригадира:

Матвей! Матвей! Господи, что с тобой!

Дух Бригадира подошёл к кровати. Жена откинула одеяло. На кровати лежит Бригадир Матвей Макарович Громов, глядя широко раскрытыми глазами на самого себя, склонившегося к ложу – головы Духа Бригадира и Жены Бригадира рядом, соприкасаются – но она Дух не видит и не ощущает. Истошно кричит:

Жена Бригадира:

Матвей!

Дух Бригадира:

Да здесь я!

Тише, ошарашено глядя на своё тело, покоящееся на кровати:

Дух Бригадира:

И там – я...

Жена вскакивает, суетится, находит маленькое зеркальце, подносит ко рту лежащего мужа – зеркальце запотеваает. Она, выдохнув:

Жена Бригадира:

Живой!

Дух Бригадира тоже облегчённо выдыхает, крестится:

Дух Бригадира:

Конечно живой! Какой ещё?! Вот он я!

Хочет обнять жену – но не успевает, она – мухой за порог, он хватается руками воздух.

Жена Бригадира:

Я мигом, родной! Я скоро...

Выбегает в коридор. Дух Бригадира, оторопело глянув на себя, лежащего, – затем на рентгеновский снимок черепа, стоящий на подоконнике, и теперь выглядящий зловеще, – кидается следом за женой.

10-3. Нат. Станция. День.

(Дух Бригадира, Жена Бригадира,
Станционный Смотритель, пассажир, публика.)

Жена Бригадира бежит к зданию вокзала пригородной станции, запыхавшаяся. Дух Бригадира широко шагает рядом – со стороны выглядят, как заполошная баба, которую мужик пытается вразумить, а она будто бы от него отмахивается – на самом деле поправляя выбившуюся прядь.

Дух Бригадира:

Алёна Степановна, ты всю жизнь у меня выдумщица – вот и меня заразила. Это нам со сна чудится. Или мы вчера... с забавами переусердствовали.

Смущённо-сдержанно улыбается, по-мужски, мол: я-то ещё ого-го!

Дух Бригадира:

Да погоди же ты! Куда бежишь?!

Хватает её за руку. Жена вырывает руку.....Просто она нечаянно задела пассажира, выбив у него корзинку. Обернувшись к пассажиру:

Жена Бригадира:

Простите!

И бежит дальше. Дух Бригадира кидается поднимать корзинку – но пассажир его опередил, поднял первым.

Дух Бригадира:

Прощения просим! Чего-то баба моя заполошная с утра.

Пассажир недовольно хмыкает. На самом деле – вслед бабе, – но кажется, что в лицо Духу. Дух только рукой махнул («извинились же! Чего тебе ещё?!») – и бегом за своей Алёной.

10-4. Инт. Кабинет станционного смотрителя. День.

(Дух Бригадира, Жена Бригадира, Станционный Смотритель.)

Станционный Смотритель за столом, изучает бумаги. В кабинет вваливается раскрасневшаяся запыхавшаяся Жена Бригадира (следом за ней заходит Дух Бригадира – на протяжении разговора с удивлением смотрит на Станционного Смотрителя – тот его тоже не видит), доставая из кармана бумажку:

Жена Бригадира:

Пётр Николаевич, Матвею Макаровичу плохо, надо звонить – вот сюда!

Станционный Смотритель, вставая, смотрит на Жену Бригадира с недоумением, – но видимо он не привык видеть её в таком состоянии, и, значит, дело серьёзное, – тут же берёт бумажку, поднимает трубку, крутит ручку, пока ждёт соединения, спрашивает:

Станционный Смотритель:

Что с ним?

Жена показывает, как муж лежит на кровати с раскрытыми глазами:

Жена Бригадира:

Бужу его – а он ни жив, ни мёртв! Не шевелится. Но дышит.

Станционный Смотритель:

(в трубку) Барышня, госпиталь Святого Георгия!

Дух Бригадира:

Да что вы, черти!

Подходит к столу, с яростью стучит кулаком по высокой кособокой стопке бумаг – те падают, рассыпаясь, – как раз на звуке мимо проходящего состава. Жена Бригадира кидается собирать. Станционный Смотритель её окорачивает, кивая за окно:

Станционный Смотритель:

Оставь! Как раз собирался разобрать, на честном слове держались... Состав идёт. Вибрация.

Дух Бригадира:

Я – не вибрация!

Звук состава громче, стук колёс, рельсы-шпалы...

Станционный Смотритель:

Не надо видеть поезд, чтобы ощущать его присутствие... *(уже соединили, в трубку)* Госпиталь Святого Георгия?

10-5. Нат. Клиника/У парадного входа. День.

(Вера, Хохлов, Белозерский, Белозерский-Старший, Концевич, Кравченко, Нилов, Порудоминский, Матрёна Ивановна, Ася, Госпитальный Извозчик, Георгий, Бельцева, персонал, публика.)

Все собрались у парадного входа в клинику – он обновлён, свежевыкрашен. В меру и в соответствии со статусом и должностями – нарядные, парадные и даже Госпитальный Извозчик тщательно причёсан и в новом кафтане. День открытия клиники после реконструкции. Вера завершает речь.

Вера:

... Всё это стало возможным благодаря помощи Николая Александровича Белозерского. Прекрасного человека и великолепного гражданина, *(чуть шутиливо)* хотя и богатого.

Смех в толпе.

Вера:

Именно ему предоставляется честь открыть сегодня нашу клинику. Ибо без таких людей невозможно обновление.

Вера – отходит чуть назад, на передний план выходит Ася, подаёт на подносе хирургические ножницы Белозерскому-Старшему. Он берёт, но перерезать не спешит. Обращается к собравшимся, прежде поклонившись Вере.

Белозерский-Старший:

Благодарю вас, Вера Игнатьевна... Княгиня Данзайр употребила слово: «обновление». Очень хорошее слово. Но обновление зиждется на созидании. Потому высокая честь перерезать ленточку на обновлённой упаковке по праву принадлежит создателю содержимого. Человеку, без чьего доброго ума, щедрого сердца и талантливых рук не было бы творения, в чьём пестовании нам выпала честь участвовать. Профессор Хохлов, прошу вас!

Хохлов утирает выступившие слёзы. Его ласково подталкивают вперёд ученики. Белозерский-Старший с поклоном передаёт ему ножницы.

Белозерский-Старший:

Алексей Фёдорович, по праву родителя... *(чуть тише, с полным уважением к профессору, с лёгкой самоиронией)* Да и хирургическими ножницами вы владеете куда лучше меня.

Хохлов с ножницами в руках поворачивается к толпе.

Хохлов:

Я надеюсь... Я уверен... Нам с супругой не выпало радости иметь детей. Но у меня есть племянница *(отвешивает низкий поклон Вере)*, у меня есть все вы... *(Оглядывает собравшихся, на глазах слёзы)* У нас – есть наша клиника. Мы семья, общность, община!.. Община Святого Георгия – наш дом. И я... Я – счастлив!

...Больше ничего не может сказать. Поворачивается к ленточке, пытаюсь скрыть слёзы, перерезает её на хирургический манер (одна бранша поверх другой, как перерезают завязанные узлы шовного материала, чтобы не срезать узел). Публика аплодирует. Одобрительные возгласы. Матрёна и

Госпитальный Извозчик утирают слёзы, не скрываясь. К Вере тихо подходит Бельцева – в форме сестры милосердия, склоняется к уху, взволнованно шепчет.

10-6. Инт. Домик Бригадира/Спальня. День.

(Бригадир, Дух Бригадира.)

На кровати лежит – так же, как ранее утром, – Бригадир Матвей Громов. Взгляд остановился, пустой, смотрит перед собой без единого выражения. «Другой» Бригадир Громов, Дух Бригадира, стоит у окна. Взял с подоконника рентгеновский снимок черепа, рассматривает внимательно, силясь увидеть что-то значимое. Его отношение к снимку изменилось – это теперь не просто сувенир, теперь он не столько ироничен, сколько заинтересован, и любопытство его – любопытство испуганного, скрывающего свой страх.

Дух Бригадира:

Что такое!.. Может оно и есть? – «душу вынуть»! Электричество, катоды-диоды. Не надо в устройство молний лезть – не будешь из себя выпрыгивать!

Хмурит брови, ставит снимок на подоконник. Подходит к себе, лежащему на кровати, садится на край. Вздыхает. Трогает своё тело, аккуратно, без страха, с удивлением. Разводит руками.

Дух Бригадира:

И как теперь обратно?! Как в себя зайти?!

Слышит стук копыт, встаёт, идёт к окну. Подъехала новая госпитальная карета.

10-7. Нат. У домика Бригадира. День.

(Госпитальный Извозчик, Георгий, Белозерский, Жена Бригадира.)

Белозерский прыгивает из салона. Госпитальный Извозчик сошёл с козел, спускается Георгий (за истекший период отношения между ними явно не наладились, холод и отстранённость). Жена Бригадира (в беспокойстве бродившая, выглядывавая карету) уже кинулась к ним, сразу к Белозерскому (костюм, саквояж, – сразу понятно, кто врач).

Жена Бригадира:

Доктор! Лежит, в потолок смотрит! И как будто...

Замолкает, не в силах сформулировать ощущения. Очевидно: она обожает мужа, переживает, но ей – страшно; отчего – она не может понять, и, значит, высказать.

Белозерский:

Здравствуйте, пройдёмте!

Он собран, деловит, и успокаивающе действует на Жену Бригадира. Направляется к дверям, она за ним, говоря на выдохе:

Жена Бригадира:

Будто он есть, и... будто – нет его. Верчусь по комнате, чтоб его схватить... Будто вот он, рядом стоит, будто обнял... (*разводит руками в недоумении*) Так вот же он, на кровати.

Белозерский на секунду оглядывается, смотрит на неё – удивительные эмоции для простой бабы. Она кривит лицо к более нормальной реакции: слёзы. Белозерский тут же отворачивается – это уже неинтересно. Заходят в дом.

10-8. Инт. Домик Бригадира/спальня. День.

(Бригадир, Дух Бригадира, Белозерский, Жена Бригадира.)

Заходят Жена Бригадира с Белозерским. Она уже плачет, не в голос, тихо – но реакция её понятна, приехал врач, в её понимании – сильный и надёжный человек, – психику расслабило. Белозерский с деловым видом идёт к кровати. Дух Бригадира от окна к нему навстречу, прихватив рентген-снимок черепа.

Дух Бригадира:

Здравствуйте, Александр Николаевич! Объясните мне...

Белозерский поднимает голову. С подоконника падает рентген-снимок. Никого, разумеется, он не видит. Жена Бригадира ахает, крестится.

Жена Бригадира:

Нечисть в спальню поставил! Жутко как! Просила его – так нет! «Это, – говорит, – вещь существующая, доказанная, не то, что твои сказки и суеверия».

Белозерский садится на край кровати. Проверяет у Бригадира реакцию зрачков на свет. Это он делает, скорее, для проформы. Ему надо сообщить Жене Бригадира малоприятные новости.

Белозерский:

Понимаете ли, в чём дело. У вашего мужа... У Матвея Макаровича... У него в голове опухоль.

Жена Бригадира:

Это как?!

Белозерский, глянув на осколки снимка на полу... Понимает, что ничего не объяснит, ссылаясь на науку. В замешательстве.

Жена Бригадира:

Он скоро поднимется? У него артель. У нас дети, внуки уже... Всё на нём держатся.

Белозерский встаёт.

Белозерский:

Я сейчас ничего не могу сказать. Мы его госпитализируем, заберём в больницу. И... Скоро будет ясно. Наверное.

Выдаёт чуть надрыва:

Жена Бригадира:

Вы же доктор!

Белозерский:

Я... Я доктор. Но природа... Природа подобного состояния, обусловлена тем, что выросло у него в голове. А природа головного мозга ещё не совсем ясна...

Пятится к выходу из спальни. За спинкой кровати стоит Дух Бригадира, скептически комментирует Белозерского:

Дух Бригадира:

Природу, брат, не разъяснить. Как бабу. Можно только пользоваться.

Белозерский выходит, Жена Бригадира испуганно оглядывается – за кроватью Дух Бригадира, ласково смотрит на супругу. У неё меняется взгляд на радостный, просветлённый – будто она увидела его, узнала, она идёт к нему и... садится рядом с безучастно лежащим на кровати телом Бригадира. Гладит его лицо.

Жена Бригадира:

Я без тебя жить не буду. Так и знай. Если ты умрёшь – то и я рядом лягу и сгину!

Дух Бригадира у окна с усмешкой смотрит на любимую, говорит с ласковым скепсисом, шутливо, с рачительной ноткой, но очень нежно:

Дух Бригадира:

Сгинуть – это неизвестно куда деться. А разом два мертвеца рядом – то детям экономия на похоронах. Скидка за мелкий опт.

10-9. Нат. У домика Бригадира. День.

(Бригадир, Дух Бригадира, Госпитальный Извозчик, Георгий, Белозерский, Жена Бригадира.)

На дворе большой пёс, умный, не вертится и не брешет, наблюдает. Госпитальный Извозчик и Георгий (слегка кривится, чуть, может, запинается на пороге, – но это незаметно для остальных) выносят из дому носилки с телом Бригадира Громова. Дух Бригадира идёт рядом с носилками. Жена Бригадира и Белозерский – следом.

Жена Бригадира:

Я с вами поеду!

Белозерский:

Сейчас в этом нет ни малейшей необходимости. Я... Мы... Руководитель клиники примет решение.

У Жены Бригадира – упёртое выражение на лице. И то, что доктор ничего не решает – и она это поняла, – на лице её тоже отразилось. Повторяет другим тоном:

Жена Бригадира:

Поеду!

Дух Бригадира, идущий рядом с носилками, усмехается.

Дух Бригадира:

Попробуй, переспорь её, ага! У меня ни разу не вышло, а я, доктор, покрепче вас буду.

Георгий, – несущий носилки с ножного конца, – спотыкается, – носилки чуть не падают. Жена Бригадира ахает. Белозерский бросается на помощь (он из присутствующих единственный в курсе инвалидности Георгия). Ситуация моментально выравнивается, помощь Белозерского не понадобилась. Георгий невербально подаёт Белозерскому знаки: «ни слова!» Госпитальный Извозчик крайне недоволен, к Георгию:

Госпитальный Извозчик:

Каши не ел?!

Дух Бригадира уставляется на Госпитального Извозчика с укоризной. Носилки тем временем подносят к карете.

Дух Бригадира:

Ну ты и фрукт, Иван Ильич! Он же безногий!

И у него у самого на лице удивление:

Дух Бригадира:

Откуда знаю?!

Носилки загружают в карету, у Георгия задирается брючина – все, кроме Духа Бригадира, сосредоточены на погрузке тела Бригадира, – Дух видит фрагмент деревянного протеза, таращит глаза:

Дух Бригадира:

А я с ногами, вишь, разлётся!

Тело Бригадира уже погрузили. Извозчик, Георгий – на козлы, Белозерский и Жена Бригадира – в салон. Дух опоминается.

Дух Бригадира:

Э! Вы без меня не трогайте-то! Куда ж я без... себя?!

Забирается в салон. Белозерский закрывает дверцы. На дворе остаётся большой пёс, подходит кошка, начинает ластиться к псу. Пёс смотрит вслед карете, как умеют смотреть только беззаветно преданные умные псы (с сосредоточенной тревогой, взвешивая необходимость действия/бездействия, и с безграничной верой), кошка – сосредоточена на себе. Пёс не отмахивается от привычной ласки кошки, но и играть с нею сейчас не в настроении. Она возмущённо-игриво даёт ему лапой по носу, он стряхивает головой, не обращая на неё внимания, продолжает смотреть вслед карете. Пёс и кошка – точь-в-точь сейчас паттерны «мужчина и женщина».

10–10. Инт. Салон госпитальной кареты. День.

(Бригадир, Дух Бригадира, Жена Бригадира, Белозерский.)

Карета едет. Тело Бригадира лежит на носилках, Дух Бригадира сидит рядом с Женой Бригадира (обнимая её за плечи). Белозерский сидит напротив,

с докторским видом, но исполненный сочувствия. Вдруг Жена Бригадира – в рёв.

Жена Бригадира:

Как я без него?! Я дышать не могу, если он меня не обнимет...

Всхлипывает, обнимает себя за плечи – поверх руки Духа Бригадира. На мгновение ёжится, будто почуяв что-то... Дух смотрит на неё с любовью. Ласково:

Дух Бригадира:

Погоди хоронить, дурища!

Белозерский:

Что вы раньше времени!.. Вот же он, обнимите его!

Жена Бригадира смотрит на тело на носилках.

Жена Бригадира:

Нет. Всегда он меня обнимал. Это... Это...

Дух Бригадира, с пониманием улыбнувшись, кивнув и обняв Жену, договаривает:

Дух Бригадира:

(к Белозерскому) Это мужское. Мужичье.

Обращается к Белозерскому, перегнувшись через жену, объясняет:

Дух Бригадира:

Баба обнимает – ластится, хитрит, забавляется. Мужик руками обвил – защищает. Как лукавая кошка. И как верный умный пёс... Молодой ещё, не понимаешь!

Белозерский с недоумением смотрит на Жену Бригадира – для него она не завершила фразу про «это».

Жена Бригадира:

Женщины, доктор, они как кошки. Мужчины – как псы.

Белозерский:

(чуть шутливо-скепично) Понятно! Живут, как кошка с собакой!

Жена Бригадира тоже усмехается, вполне по-доброму, но не без зрелой иронии.

Жена Бригадира:

За своего пса кошка любому глаза выцарапает. За свою кошку – пёс медведя порвёт...

У Белозерского во взгляде попытка осознания: «а ведь и правда, кажется...» Эхом:

Белозерский:

Своего... Свою...

Жена Бригадира вздыхает, смотрит на своего на носилках. Дух Бригадира прижимает её к себе – ей кажется, что карета качнулась – вот и Белозерский слегка накренился.

10–11. Инт. Клиника/Мужская палата. День.

(**Бригадир, Дух Бригадира, Вера, Белозерский.**)

Отремонтированная палата. В закутке, за ширмой на кровати лежит тело Бригадира. В таком же состоянии – неподвижный, глаза раскрыты. Первый пациент во вновь открытой клинике. Дух Бригадира стоит, опершись на спинку кровати, внимательно наблюдает за происходящим. Белозерский стоит у головы, Вера сидит на краю, пристально смотрит в лицо Бригадира, рука её – тестирует пульс. Белозерский, отследив направление взгляда Веры:

Белозерский:

Он моргает.

Вера, не изменив направления пристального взгляда, ровно констатирует:

Вера:

Разумеется. Иначе бы склера высохла.

Белозерский:

Что же ты всё смотришь?

Вера:

Я думаю.

Повисает пауза. У Белозерского лицо с вопросительным выражением. Такое же – у Духа Бригадира. Белозерский слегка рассеянно, якобы беспристрастно:

Белозерский:

Ты тогда... когда меня выгнала...

Вера:

(не отводя взгляда от лица Бригадира) Я не выгоняла. Я попросила тебя уйти.

Белозерский кивает. Дух Бригадира заинтересованно смотрит на докторов: ого-ага! – так тут, вишь, вот чего!

Белозерский:

Но ты же с ним... С этим...

Вера:

Господином Покровским.

Белозерский, чуть покрасневшись:

Белозерский:

Вы же с господином Покровским...

Дух Бригадира с мужицким любопытством смотрит на Белозерского, с интересом колоссальным: «что дальше-то?!»

Вера:

Есть!

Белозерский и Дух Бригадира аж подпрыгивают.

Белозерский:

Что есть?!

Вера встаёт, на протяжении последующих реплик – расхаживает по закутку, размышляя; реплики произносит как бы механически, фоном.

Вера:

Он мыслит!

Дух Бригадира:

(саркастично) Так ёлки-зелёные! Я башковитый!

Белозерский:

Cogito, ergo sum. Я мыслю, следовательно существую. И чем нам поможет Декарт?

Вера:

Правильный перевод: «Я сомневаюсь, значит я есть». И задолго до Декарта Блаженный Августин сказал: «Если я ошибаюсь, я существую. Ибо кто не существует, тот не может и обманываться».

Дух Бригадира:

Так что с господином Покровским?!

Вера резко останавливается. Смотрит на Белозерского, сперва рассеянно – всё ещё в своих мыслях; фокусируется на нём:

Вера:

Я не развлекалась с господином Покровским в том смысле, который тебя интересует. Так что сосредоточься на других своих желаниях: ты хотел трепанацию и операцию на мозге – ты её получил. Завтра мы его оперируем.

Дух Бригадира:

(испуганно) Кого?!

Белозерский:

Ты же была против!

Вера, указывая на лежащего на кровати парализованного Бригадира:

Вера:

Обстоятельства изменились.

Белозерский:

Но всё правое полушарие!

Вера:

(усмехнувшись) Значит, ты живёшь мечтами и воображением? Или ты живёшь ТОЛЬКО мечтами и воображением? *(снова указывая на лежащего на кровати)* Вот – дело!

Вера – на выход из палаты, Белозерский – поглядев на парализованное тело Бригадира, – за ней. Дух Бригадира, поглядев на своё тело с некоторой долей сомнения, и даже будто извиняясь – за ними.

Дух Бригадира:

(к своему телу) Ты отдохни здесь чуток... *(за докторами)* Да постойте вы, ядрён батон! Лезть ко мне в голову, как в ящик с инструментами?!

10–12. Инт. Клиника/сестринская. День.

**(Матрёна Ивановна, Георгий, Жена Бригадира,
Вера, Белозерский, Дух Бригадира.)**

Заплаканная Жена Бригадира. Матрёна Ивановна поит её чаем, к ней ласковое, своё, отношение. Георгий сидит рядом за столом, потирая (незаметно для женщин) культю одной из ног.

Жена Бригадира:

Что с ним?! Почему?! Он у меня ох какой здоровый!

Матрёна Ивановна:

Это по-разному бывает, милая. Жив-здоров человек, а через мгновение – если не мёртв, так ещё хуже – калека.

Георгий быстро бросает на Матрёну колкий злой взгляд. Она истолковывает по-своему: тут жена больного, а ты про смерть и инвалидность. Опоминается, суетливо успокаивающе к Жене Бригадира:

Матрёна Ивановна:

Но бывает, что вот только всё плохо – а часом позже уже и хорошо. Молиться надо. Молиться и...

В сестринскую стремительно заходит Вера, за ней – Белозерский и Дух Бригадира. Матрёна заканчивает с облегчением:

Матрёна Ивановна:

...и Вера Игнатьевна пришла!

Вера к Жене Бригадира без церемоний:

Вера:

Ваш муж – человек с воображением?

Жена Бригадира смотрит на Веру перепугано, с непониманием. Вера, чуть поморщившись (досадуя на себя):

Вера:

Он мечтал о чём-то?! Всеобщее благо, мост хрустальный. Путешествие в Америку? В молодости, может? «Построим дом, заведём детишек и кур...»

Дух Бригадира:

Чего мечтать? Захотел в Америку – так садись на пароход, коли деньги есть.

Вера смотрит вопросительно. Жена Бригадира пожимает плечами.

Жена Бригадира:

Не из дурачков он у меня, слава богу. Как денег заработал – так дом и построил.

Вера:

Странности какие-то были?!

Жена Бригадира:

Какие странности, господь с вами. У нас жизнь самая обыкновенная.

Дух Бригадира:

И что плохого в обыкновенности?!

Вера:

Да-да, самые обыкновенные счастливые люди, прекрасно. Но вспомните! Что такого «обыкновенного», к чему вы, возможно, уже привыкли! Что вас в нём поражало? Изумляло...

Жена Бригадира мужественно силится припомнить. Дух Бригадира, как о самом обыкновенном – потому что он это и считает самым обыкновенным; обращается к Жене:

Дух Бригадира:

Помнишь, как тебя поначалу пугало, что я цифры пятизначные в уме могу умножать-делить. Строительные объёмы без бумажек пересчитывать. *(Усмехнувшись)* Уж скольких образованных архитекторов на ошибках ловил в тангенсах-котангенсах.

Жена Бригадира, вспомнив, обрадовано:

Жена Бригадира:

Он считал без бумажек и счётов! И любую фигуру мог от руки...

Вера:

Тексты?!

Жена Бригадира:

Что – тексты?

Вера:

Читал-писал как?

Жена Бригадира:

Если раз что прочтёт – всё, уже навсегда.

Вера:

И никогда не строил ментальных иллюзий? Стихов не сочинял?

Жена Бригадира перепугано смотрит на Веру, отрицательно качая головой. В слёзы, Матрёне на грудь. Та её успокаивать – бросив на Веру осуждающий взгляд: могла бы и помягче, а не как на допросе. Артикулирует/шепчет:

Матрёна Ивановна:

Вера, какие тут стихи сейчас?!

Вера, махнув рукой Матрёне, тащит Белозерского из сестринской. Дух Бригадира, глянув на рыдающую Жену с сочувствием, – за Верой и Белозерским.

Дух Бригадира:

Эй, умники! Если уж условия задачки ставите – так ставьте все, я решу! Задача – не загадка! В задаче всегда логика сыщется, на том построено!

10–13. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Вера, Белозерский, Госпитальный Извозчик, Дух Бригадира.)

Госпитальный Извозчик сидит на ступенях. Выходит Вера, за ней – Белозерский и Дух Бригадира. Вера быстро прикуривает, не давая возможности Белозерскому за ней поухаживать. Он прикуривает следом. Дух Бригадира стоит рядом, внимательно слушает, отмахиваясь от табачного дыма.

Вера:

Галль считал, что мозг работает, как единый орган. Но эта теория была отвергнута, когда Вернике предположил, что за речь отвечает левое полушарие.

Белозерский даёт эмоцию: «дошло!» Подхватывает, озарившись:

Белозерский:

В тысячу восемьсот семьдесят третьем году он доказал это на пациенте, перенесшем инсульт!

Вера кивает.

Вера:

И пошёл в предположениях дальше. Просто доказать не смог. Речь, счёт, анализ, логика. Надёжность. Это левое полушарие. Нашему замечательному бригадиру Матвею Громову никогда и не было нужно правое полушарие.

Белозерский:

Так что произошло?!

Вера:

Опухоль прорастает основание. Питающие сосуды. Вот и нарушились двигательные функции.

Вера машет рукой у глаз, намекая на взгляд, увиденный ею в палате.

Вера:

Но он ещё мыслит!

Белозерский:

А если мы ошибаемся?

Вера:

Значит, мы существуем. Чем даём шанс существовать ему.

Вера показывает в сторону клиники, палат – но выглядит так, что она точно перстом упирается в нос Духу Бригадира. Дух Бригадира, глядя на палец Веры, чуть сведя глаза, несколько беспомощно обращается к Госпитальному Извозчику:

Дух Громова:

Иван Ильич, о чём они?!

Вера в клинику, Белозерский за ней. Дух Бригадира уставился на Извозчика. Тот пожимает плечами, разговаривая, понятно, сам с собой. Но выглядит так, будто он обращается к Духу Бригадира.

Госпитальный Извозчик:

Кто их, холер, поймёт, о чём они порой балаболят.

10–14. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

**(Вера, Белозерский, Концевич, Кравченко, Нилов,
Порудоминский, Ася, Матрёна Ивановна, Бельцева.)**

Вера за профессорским столом. Все остальные – расположились кто где; режим: рабочее совещание.

Вера:

Клиника работает в полном объёме. По вызовам отправляются господа Нилов и Порудоминский. Белозерский и Концевич отвечают за стационар. Завтра утром – удаление опухоли головного мозга. Александр Николаевич представит случай.

Белозерский встаёт, докладывать.

Белозерский:

Поступил пациент... Мы все его хорошо знаем. Наш бригадир Матвей Макарович Громов...

10–15. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

(Вера, Белозерский, Концевич, Кравченко, Нилов, Порудоминский, Ася, Матрёна Ивановна, Бельцева.)

Рабочее совещание подходит к концу. Последней заканчивает докладывать Ася.

Ася:

Операционная укомплектована всем необходимым, готова к работе.

Вера обращается к Матрёне:

Вера:

Матрёна Ивановна?

Матрёна одобрительно кивает, не поднимаясь с места, с лёгким ворчливым скепсисом, хотя и очевидно всем довольна, просто из характера и суеверий:

Матрёна Ивановна:

Всё нормально. Пока. Там увидим.

Вера:

Коллеги, вопросы есть?

Поднимается Кравченко. Вера внимательно слушает, с уважением.

Кравченко:

Вера Игнатъевна, вы уверены, что операцию на мозге стоит производить столь скоро?

Вера:

(корректно, но холодно) Я не уверена, что её стоит откладывать до завтрашнего утра.

Кравченко:

Возможно, стоит привлечь для консультации...

Чуть запинается. Вера вклинивается, «подсказывая»:

Вера:

...кого-нибудь более осведомлённого в вопросах хирургии?... Возможно, моя рука не так быстра, как рука Пирогова, но американец Мортон избавил нас от необходимости работать на скорость. Точнее: сортировать организмы на способных перенести болевой шок и неспособных.

Кравченко:

Я ни в коем случае не ставил под сомнение вашу хирургическую квалификацию.

Вера:

Тогда кого вы хотели привлечь? Кого-то более осведомлённого в вопросах мозга? Интересно, кого? Единственный в отечестве, кто не боялся оперировать мозг, – Николай Васильевич Склифосовский. Но он умер в прошлом году. Да и он был «всего лишь» хирург. Так кого привлекать, Владимир Сергеевич?

Кравченко:

Вера Игнатьевна, я всего лишь...

Вера:

(мягче) Вы всего лишь хотите меня подстраховать. Защитить. Я понимаю ваше желание. И благодарна вам за заботу. Но – не надо. Вы не боялись и не боитесь принимать решения. И я... Я не взяла бы на себя руководство клиникой, если не была готова отвечать за каждое своё решение. За каждое! За всё и всех здесь.

Смотрит на него со значением – именно она его выдвинула на должность зав терапией и именно она вручила ему бразды управления финансами. Тем самым «профессиональный» наезд нивелирован абсолютным доверием. Кравченко садится, кивнув, с достоинством, но без позы. Нет никакого ощущения, что кто-то в ком-то сомневается или кто-то на кого-то давил. Просто один из многих непростых рабочих моментов лекарской практики. Присутствующие сохраняют нейтральные лица. Вера встаёт – все встают.

Вера:

И последнее: все сегодня – кроме дежурной смены, разумеется, – приглашены в ресторан. Я была против, но Николай Александрович Белозерский настоял. И он прав. Подобный обед – не просто гулянка, а возможность привлечения новых меценатов и акционеров. Так что... Ну не знаю. Оденьтесь прилично. В соответствии случаю.

Вера усмехается. Эта её усмешка – в первую очередь обращена на себя. Она менее всех прочих любит «одеваться прилично», «в соответствии случаю».

10–16. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Кравченко, Концевич, Георгий, Госпитальный Извозчик.)

Кравченко курит. Невдалеке Георгий и Извозчик занимаются каретой. Выходит Концевич. Закуривает. Смотрит на Кравченко.

Концевич:

Как вас княгиня... на место поставила.

Кравченко так же спокоен, даже холоден – взгляд на Концевича.

Кравченко:

И была совершенно права, Дмитрий Петрович.

Выбрасывает окурочек, заходит в клинику. Концевич продолжает курить – лицо бесстрастное. Георгий всё слышал, обращается к Извозчику.

Георгий:

Не любят друг друга?

Госпитальный Извозчик:

Они тебе красна девица с добрым молодцем, чтоб друг друга любить? Да и не твоего ума дело, что там у господ докторов.

Георгий оставляет дела, смотрит на Извозчика.

Георгий:

Это ты меня сейчас на место поставил?... Так, Иван Ильич. Давай разберёмся.

Извозчик, прищурившись, смотрит на Георгия – тоже оставляет работу.

Госпитальный Извозчик:

На кулачках, значит?

Георгий:

На кулачках.

10–17. Инт. Клиника/коридор. День.

(Вера, Матрёна Ивановна, Бельцева.)

Вера и Матрёна идут.

Вера:

Матрёна Ивановна, ты новенькую бабичьему делу обучай. Она сообразительная и руки способные.

Навстречу им бежит Бельцева.

Бельцева:

Кучер с санитаром драку затеяли! Я бельё вышла развесить...

Матрёна ахает. Вера, посуровев, стремительно – к выходу на задний двор, Матрёна – за ней.

10–18. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Георгий, Госпитальный Извозчик, Вера, Матрёна Ивановна, Бельцева.)

Перевернутая корзина с бельём – мутузятся Госпитальный Извозчик с Георгием, держатся на равных, Георгий только в ногах потяжелее, но руками – вполне, Извозчик тоже силен. Тягают друг друга за грудки. Не бой, но сопящая ближняя драчка. Выносятся Вера – сразу к ним. За ней – женщины. Вера легко разнимает пыхтящих мужиков, вклинившись между ними и неуловимым движением вывернув обоим руки так, что они вынуждены застыть в «нижнем поклоне». Матрёна и Бельцева выбежали следом.

Вера:

(обращаясь к Матрёне, резко) Выбирай!

Матрёна Ивановна:

Я?!

Вера:

Не из-за меня эти добры молодцы дерутся.

«Молодцы» трепыхаются, стараясь высвободиться. Вера чуть сильнее выворачивает им руки. Они застывают в ещё более глубоком «поклоне». Она окорачивает их окриком:

Вера:

Была команда?!

Строго смотрит на Матрёну. Та, что называется, в противоречивых чувствах. Бельцева наблюдает. Матрёна к Бельцевой:

Матрёна Ивановна:

Бельё собери!

Без паузы, к Вере:

Матрёна Ивановна:

А ни один предложения не делал!

Бельцева кидается собирать бельё. Матрёна горделивой павой – заходит в клинику. Вера отпускает мужиков. Они недовольны – одна баба двоих «бойцов» скрутила. Оправляются, друг на друга не глядя, но фыркая. Она смотрит на них – то на одного, то на другого, – с недоумением, пытаясь скрыть разбирающий её смех.

Вера:

Что, ни один?!

Госпитальный Извозчик:

(прорывается) Я – чего?! Она ж такая важная! Командирша вся из себя! Да и перед этим задом крутит!

Вера уставляется на Георгия. Тот тоже отвечает с нервом.

Георгий:

Я – чего?! Я почём должен знать, что он меня из-за бабы невлюбил?! Я привык с товарищами плечом к плечу, а не с... интриганами боками тереться!

Последними словами Извозчик оскорблён до глубин.

Госпитальный Извозчик:

Ну знаешь!.. Ты говори, говори, да не заговаривайся!

И вот тут никто не ожидал от него: он бросается на уже расслабленного Георгия с рыком, толкает его двумя руками в грудь – тот не был готов, падает навзничь – брюки задираются, в ботинках видны деревянные протезы. Немая сцена. Эмоции Извозчика понятны – он хороший мужик. Вера только головой качает, вздыхая.

10–19. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Госпитальный Извозчик, Георгий.)

Сидят на ступеньках, курят самокрутки – Извозчик угощает. Он чувствует себя крайне неловко. Муки совести, хороший русский мужик.

Госпитальный Извозчик:

Чего не сказал?!

Георгий:

Что это меняет?

Госпитальный Извозчик:

Всё это меняет!

Георгий:

Ничего это не меняет... *(Подмигивает, после паузы)* Во всяком случае – с бабами.

Госпитальный Извозчик:

Тьфу! Дурья твоя башка!.. Давай по новой: Иван!

Протягивает руку. Рукопожатие:

Георгий:

Георгий!

Госпитальный Извозчик:

Тот самый? Который: держит ангел копийё...

Георгий подхватывает:

Георгий:

...бьёт дракона в жопиё!

Смеются. Курят дальше.

Госпитальный Извозчик:

Теперь Матрёшка нам устроит. Показательную гастроль. Бабы страсть любят, когда за ними по двое сохнут.

Георгий:

Это если гниды.

Госпитальный Извозчик:

Есть бабы не гниды?

Георгий:

Мне не попадались...

Госпитальный Извозчик:

Вот и мне...

Смеются. Очевидно, это начало крепкой дружбы.

10–20. Инт. Зал ресторана. Ночь.

(Вера, Белозерский-Старший, Белозерский, Хохлов, Кравченко, Ася, Концевич, Матрёна Ивановна, Ася, Покровский, Метрдотель, гости, официанты.)

Банкетный зал. Во главе – Хохлов. Справа и слева от него – Белозерский-Старший и Вера. Рядом с Верой сидит Белозерский. Рядом с Белозерским-Старшим – Кравченко. Дальше Концевич, Ася, Матрёна Ивановна, профессура, ординатура, возможные меценаты и прочие гости. Белозерский-Старший стоит с бокалом. Одеты все в соответствии случаю, Вера – в женском платье, и даже Концевич выглядит весьма пристойно – на нём неожиданно костюм ничуть не хуже, чем на Белозерском.

Белозерский-Старший:

...И я уверен – клиника станет лучшей в городе!

В сопровождении Метрдолетеля в зал заходит Покровский. Делая знак: без помпы. Но Белозерский-Старший уже заметил (заметила и Вера – никак не проявляет; заметил и Белозерский – слегка нахмурился).

Белозерский-Старший:

Илья Алексеевич! Рад, рад! (*сыну, тихо*) Саша! Пс!

Он даёт понять сыну: освободи место почётному гостю. Белозерский поднялся, в растерянности, ретируется неловко – беспомощно ища взгляда Веры – Вера смотрит не на него, намеренно избегая зрительного контакта и с ним, и с Покровским. Старший продолжает, обращаясь к публике.

Белозерский-Старший:

Господа!.. Дамы и господа! Хочу представить вам Илью Алексеевича Покровского! Человека не только богатого, но и щедрого. Не только умного, но и великодушного! Господин Покровский изъявил горячее желание пользоваться своих фабричных в клинике Святого Георгия, и уже приобрёл как бы сказали заокеанские капиталисты – кор-по-ративную страховку! Мало того, я пригласил его стать акционером нашего предприятия – и он согласился!

Аплодисменты. Возгласы: «браво социально-ответственному капиталу!» Покровский уже пробрался на место рядом с Верой, и на протяжении речи Белозерского-старшего всем своим видом показывал, что он скромен – хотя и с достоинством, – на последних словах Белозерского-Старшего берёт бокал – уже наполненный бокал Белозерского, который тот держал в руках, когда папа начинал говорить, но к содержимому которого ещё не притронулся, – говорит алаверды, обаятельно, в меру шутливо и обманчиво простодушно:

Покровский:

Николай Александрович преувеличивает, как это свойственно действительно добрым людям. Я, да будет вам известно, фабрикант, отъявленный мироед, и в любом предприятии меня интересует прежде всего выгода. Здоровые рабочие и служащие – здоровая фабрика. Здоровая фабрика – богатая фабрика. Так что выпьем за здоровье и, соответственно, процветание!

Чокаются с Белозерским-Старшим. Аплодисменты. Звон бокалов. По Вере невозможно ничего сказать, она ровна, чокается с Хохловым, с Белозерским-Старшим, в сутолоке будто бы не замечает протянутого Покровским бокала. Дальше за столом: Белозерский оказывается напротив группы Ася/Кравченко/Концевич. Чокается с ними, вид – обиженно-обескураженного щенка. Ася смотрит на него с сочувствием. Концевич – чуть насмешливо. Кравченко – нейтрален.

Концевич:

Больше денег – лучше клинике. Лучше клинике – лучше нам. Мне уже жалованье подняли.

Белозерский вдруг срывается на Концевича:

Белозерский:

А как же – общее благо?! Как же твоё: «этот кабак – оплот „кадетов“, которые игрушечные и пособники власти сатрапов!»?! Как же твой со-ци-а-лизм?!

Концевич слегка сатанеет. Его окорачивает спокойный голос Кравченко (далее Кравченко говорит с интонацией слегка насмешливой, и его никак

нельзя заподозрить в симпатиях к господам социалистам; напротив – любые сомнения подобными интонациями развеиваются):

Кравченко:

Господин Концевич социалист? Не знал, не знал...

У Белозерского немедленно раскисающийся вид: «вот я, сука, выдал приятеля! Чего сорвался? Не на него же я раздражаюсь!» Кравченко же протягивает Концевичу руку:

Кравченко:

Позвольте засвидетельствовать самое искреннее почтение, Дмитрий Петрович. Вы открылись мне с новой неожиданно приятной стороны. Я и сам, признаюсь, социалист. Нет-нет, вне партий и фракций. По убеждениям. *(Обращается к Белозерскому)* В социализме, Александр Николаевич, нет ничего плохого. Как в идее. Другое дело, ЧТО нам *(с сарказмом)* всяческие деятели пытаются навязать. Возможно, в вашем батюшке и в фабриканте Покровском куда больше социализма, чем в каком-нибудь праздном негодяе, от скуки воображающим себя звонящим в колокол на батюшкины средства; или же в нищем мерзавце, жаждущим отомстить за брата-убийцу, а пока живущим за границей, вытягивая матушкину жалкую пенсию и деньги за перезаложное именище...

Кравченко отвлѣк внимание Белозерского на себя, он вовлечѣн в беседу. С удивлением переводит взгляд с Кравченко на Концевича – те после монолога Кравченко молча сверлят друг друга с таким пылом, что красноречивее слов. На том конце, где Вера и Покровский: Белозерский-Старший беседует с Хохловым, – это даёт возможность Покровскому обратиться к Вере, тихо, и не привлекая внимания:

Покровский:

Это всего лишь выгодные для меня вложения, ничего личного, не беспокойся. Я никоим образом не собираюсь на тебя давить или...

Вера:

(перебивая) Ты и не сможешь.

Покровский:

А ты не сможешь отказаться от денег. Потому что ты в клинике, как бы это сказать, при всѣм уважении к твоим талантам и успехам – всего лишь управляющий. Настоящий руководитель, а точнее сказать: фактический владелец – теперь вот он. *(Указывает подбородком на Белозерского-Старшего)*

Вера:

(поднимаясь) Я и не собираюсь отказываться от денег.

Встав, Вера смотрит в сторону Белозерского – уже вовлечѣнного в беседу с Кравченко, – и он не поворачивается на её взгляд (хотя она, видимо, ожидала, что он будет за ней неотрывно следить), и Вера (вся такая в своём изысканном наряде) лихо свистит. Белозерский мигом оборачивается, подскакивает, застольный фоновый гул замолкает на свисте. Вера, обращаясь к публике в наступившей полнейшей тишине, вежливо:

Вера:

Простите, дамы и господа, мы со старшим ординатором Белозерским вынуждены покинуть банкет, у нас... неотложное дело. Тяжёлый пациент. *(К Старшему, поклонившись)* Николай Александрович! *(к Хохлову, поклонившись)* Алексей Фѣдорович! *(К Покровскому, не кланяясь)* Господин Покровский!

Выходит, мотнув головой Белозерскому-младшему: за мной. Белозерский-Старший заинтересованно наблюдает, но вовсе не за Верой и сыном, а как раз за господином Покровским. Взгляд добродушно-любопытный: «похоже, я чего-то не в полном объёме знаю. Пока что...»

10–21. Нат. Клиника/парадная аллея/у входа. Ночь.

(Ася, Кравченко, Концевич.)

Идут по аллее ко входу. Держатся как коллеги.

Ася:

Мне, право, неудобно. Совершенно незачем было меня провожать.

Кравченко:

Собственно я, как и вы, не люблю шумных сборищ. И у меня скопилось много бумажной работы.

Концевич:

Я сегодня патронирую господ студентов. Пardon, уже лекарей. То ещё удовольствие.

Ася:

А... Александр Николаевич, он сегодня не дежурит? Он ещё раньше нас ушёл.

Кравченко и Концевич переглядываются.

Кравченко:

Он сегодня не дежурит, Анна Львовна.

Они приближаются ко входу. На ступеньках стоит красивая большая корзинка, высланная изысканной дорогой салфеткой (кружева, с монограммой А.А.). Ася приглядывается.

Ася:

Что это?

Стремительно подходит, наклоняется к корзинке. Кравченко, нагнав, отстраняет её:

Кравченко:

Ася! Кругом волнения, террористы... Позвольте!

Концевич бросает на Кравченко иронический взгляд (Ася не видит). Из корзинки раздаётся плач младенца. Все трое склоняются к корзинке. Кравченко поднимает корзинку, Концевич заглядывает, Ася – умильно-перепуганное выражение.

Концевич:

Тут у нас «бомба» совсем иного рода. Судя по антуражу: богатая уже-не-девица снесла незаконное яичко.

Ася:

Идёмте, идёмте же скорее! Младенец замёрзнет!

Все трое скрываются в дверях клиники.

10–22. Инт. Клиника/сестринская. Ночь.

(Концевич, Ася, Бельцева, Дух Бригадира.)

На кушетке распелёнутый младенец, громко возмущённо ревёт. Концевич (в действиях и текстах формален, равнодушен, но профессионален, собран, аккуратен) заканчивает выслушивать лёгкие и сердечные тоны. Рядом насадкой хлопочет Ася, Бельцева стоит чуть поодаль с неоднозначным выражением лица (ей недавно сделали аборт).

Концевич:

Совершенно здоровая новорождённая девочка.

Отходит. Ася к новорождённой – укутывать.

Ася:

Не плачь, маленькая! Сейчас мы тебя запеленаем, покормим и...

Концевич:

(подхватывает тон Аси, добавив иронии)...вызовем полицию и отправим в приют.

Ася:

(ошарашено) Как же?!

Концевич:

Таков протокол. Подброшен младенец в первых сутках. Полагаю, Владимир Сергеевич уже позвонил в отделение.

Концевич – на выход, кинув на Асю взгляд. Выходит. Ася к Бельцевой:

Ася:

Как можно выбросить собственного ребёнка?! Или того хуже... Убить... Помогите мне, пожалуйста.

Бельцева не реагирует. Ася, не дождавшись помощи, смотрит на Бельцеву – та блее полотно, лицо скривилось, она заплакала. Ася в растерянности, с младенцем на руках идёт к Бельцевой.

Ася:

Что с вами, Марина?!

Бельцева пятится. Дверь распахивается, входит Дух Бригадира. Его, разумеется, никто не замечает. Бельцева выбегает в распахнутые двери. Ася с ужасом смотрит на Дух Бригадира. (Просту тарашится вслед Марине Бельцевой.)

Дух Бригадира:

Вы меня видите?! Слава богу!

Ася:

Сквозняки... *(к младенцу)* Что это с тётёй Мариной?

Это домашнее «тётя» со всей очевидностью свидетельствует, что Ася уже привязалась к младенцу. С ним на руках выходит, плотно закрыв за собой двери. Дух Бригадира шумно вздыхает, садится на кушетку.

Дух Бригадира:

Бабские дела!

Сосредотачивается, разводит руками.

Дух Бригадира:

Так. Что же делать? Ничего не понимаю!

Встаёт, выходит, плотно закрыв двери за собой. (Из коридора это выглядит как шумно захлопнувшаяся сквозняком дверь.)

10–23. Инт. Клиника/коридор. Ночь.

(Ася, Бельцева, Дух Бригадира.)

Ася и Бельцева стоят в дальнем конце коридора.

Ася:

Марина, ну что вы!

Дверь из сестринской распахивается, затем захлопывается, выходит Дух Бригадира, идёт по коридору. Бельцева и Ася смотрят на двери – обе напуганы. Духа не видят.

Ася:

Странно. Неоткуда взяться сквознякам.

Бельцева:

Анна Львовна, вы верите в привидения?

Ася:

(улыбается) Нет. Всему на свете есть объяснение.

Дух Бригадира уже дошёл до девушек, останавливается около них, саркастически усмехается, обращается к Асе, обводя себя руками:

Дух Бригадира:

И как же, любезная барышня, вы объясните эдакое?!

Бельцева:

Случается совершенно необъяснимое.

Ася:

Просто объяснения необъяснимому ещё не найдены.

Девушки смотрят друг на друга. Дух Бригадира, вздохнув, и сделав младенцу «козу», идёт дальше по коридору.

10–24. Инт. Клиника/кабинет профессора. Ночь.

(Концевич, Кравченко, Дух Бригадира, Городовой.)

Кравченко (за его спиной стоит Дух Бригадира, заложив руки за спину, с интересом читает из-за плеча Кравченко) и Концевич сидят с бумагами (папки со множеством листов, листы с записями и цифрами – отчётность по реконструкции), по разные стороны приставного, «заседательного» стола. По манере их обращения друг к другу нельзя заподозрить, что их связывает нечто

большее, нежели формальные рабочие отношения. Кравченко, просмотрев один из листов, хмурится, протягивает его Концевичу:

Кравченко:

Дмитрий Петрович, посмотрите.

Концевич берёт протянутый лист, пробегает его. Хмурится. Берёт чистый лист. Смотрит в протянутый лист, чёркает своим пером – не тот цвет-оттенок. Встаёт, идёт к столу Веры, взять другие перо-чернильницу. Дух Бригадира тем временем обошёл стол, рассматривает бумагу, оставленную Концевичем. Хмыкает, смотрит то на Кравченко, то на Концевича.

Дух Бригадира:

Интересные дела-а-а...

Кравченко:

Вера Игнатьевна попросила к утру всё привести в полный порядок.

В кабинет входит Городовой. Кравченко, поднимаясь к нему навстречу, накрывает лист, переданный Концевичу, другой бумагой. Делает это спокойно.

Городовой:

Доброй ночи, господа!

Кравченко:

Здравствуйте, Василий Петрович! Прошу простить за беспокойство...

Городовой:

Оставьте! Не на помойке, и не задушенный – уже хорошо. Идёмте.

Кравченко, обернувшись к Концевичу:

Кравченко:

Дмитрий Петрович, вы продолжайте.

Концевич кивает. Кравченко с Городовым – на выход. В тот момент, когда Кравченко открывает дверь, Дух Бригадира поднимает с той бумаги, что должен подправить Концевич, лист, положенный сверху Кравченко, чтобы изучить (цифры и спецификации – стихия Бригадира). Выглядит это будто бумага слетела из-за созданного распахиванием дверей, потока воздуха. Концевич идёт, поднимает лист. А Дух Бригадира пока просматривает бумагу на столе, выражение на лице сомнительное, скептическое:

Дух Бригадира:

Надо же! Нет, понятно, по дороге ко всем ладошкам липнет, но тут щедро заскирдовано по амбарам, а не так, чтобы соломинка к сапогу принавозилась!

10–25. Инт. Клиника/сестринская. Ночь.

(Ася, Бельцева, Кравченко, Городовой.)

Младенец спит в корзинке. На столе – бутылочка с грудным молоком (клиника, где рожают, и, значит, есть молоко). Ася и Бельцева пьют чай. Ася добродушна, радостна; Бельцева – тревожна.

Ася:

Марина, у вас что-то случилось?

Бельцева:

С чего вы взяли, Анна Львовна?

Ася:

Прекращай! Мы с тобой ровесницы. Я – Ася.

Бельцева:

Я даже тем, кто младше меня, должна была по имени-отчеству обращаться.

Ася смотрит на неё с удивлением.

Бельцева:

К господским детям. Пока их папа...

Замолкает.

Ася:

Что: «их папа»?

Бельцева набирает воздух, чтобы решиться рассказать Асе. Грех её тяготит, надо с кем-то поделиться. Ася добра к ней, чем не кандидат?

Бельцева:

Ася... Ты в чём исповедовалась последний раз?

Ася:

Для того и исповедь, чтобы только между мной и богом.

Бельцева:

Ты же не богу исповедуешься, а священнику.

Ася:

Священник связан тайной. Как врач.

Бельцева:

И если исповедаться в чём-то... страшном, – священник никому не расскажет?

Ася:

Нет. Не должен.

Ася сперва настроена почти легкомысленно, но серьёзный тон Бельцовой её настораживает. Она смотрит на недавно обретенную коллегу с тревогой. Но всё ещё пытается сохранить ободряющий шуточный тон

Ася:

В чём таком «страшном» ты можешь исповедоваться? Конфету хозяйскую съела?

Бельцева:

В... смертном грехе.

Ася подскакивает, одновременно в двери заходят Кравченко и Городовой. Ася смотрит на них, пытаясь сообразить: слышали? – нет?

Городовой:

Вы будто привидение увидели! Поверьте, их бояться не стоит. Бояться, увы, стоит только живого человека из плоти и крови. Добрый вечер, барышни. Надо оформить протокол, показания, изъятие улики...

10–26. Инт. Квартира Веры/спальня. Ночь.

(Вера, Белозерский.)

В постели, после. Белозерский, облокотившись на локоть, любуется Верой. Вера равнодушна, глаза открыты.

Вера:

Чего тарачишься?

Белозерский ошарашен реакцией – только что был секс, и, видимо, всё было по высшему разряду, включая нежность.

Белозерский:

Любуюсь!.. С господином Покровским наверное не так себя вела?!

Вера, лишь усмехнувшись, безо всяких обид, встаёт.

Вера:

Не так. Точнее: так. Как ты сейчас...

Белозерский:

Отчего же со мной...

Вера, будто не замечая его реплики, завершает, надевая и запахивая халат:

Вера:

С той только разницей, что мне было пятнадцать, а не двадцать пять. Женщины раньше взрослеют.

Белозерский:

(с нервом) Это тебя его равнодушие сделало такой... *(подыскивает слова, с соответствующим выражением лица, говорит с сарказмом)*... мудрой такой, саркастичной такой, такой закрытой и циничной... сукой!

Вера, уже надевшая халат, смеясь, поворачивается к Белозерскому, запахивает халат.

Вера:

Куда открытей?!

Запахивает, становится серьёзной.

Вера:

Он не был ко мне равнодушен. И я – не равнодушна к тебе.

Вера выходит из спальни. Белозерский обессилено откидывается на подушку с выражением лица: «долбаный, блин, случай!» Но долго он в покое оставаться не может, вскакивает, натягивает штаны. Игриво кричит:

Белозерский:

Вера, а, Вера?! Вера Игнатьевна!

Выбегает за ней.

10–27. Нат. Улица/клиника/главная аллея/у входа. Ночь.

(Белозерский, Вера, Ася, Городовой, Кравченко.)

Белозерский и Вера (в мужском наряде) неторопливо идут по улице.

Вера:

Сосредоточься на пациенте. У нас интереснейший случай. Как минимум – с точки зрения механики мозга. Большая часть всего, происходящего с нами, сосредоточена вот здесь!

Вера стучит костяшками пальцев по лбу Белозерского.

Вера:

Мы ничего об этом не знаем! Наш мозг – карта Вселенной. А тебя волнуют чувства совокупляющихся букашек.

Белозерский:

Совокупляющиеся букашки – часть Вселенной!

Вера:

Пойми ты! – у совокупления нет чувств! Всего лишь инстинкт, направленный на продолжение рода, а точнее: сохранение популяции. И как это ни прискорбно, но доктрина церкви не противоречит учению Дарвина. Напротив! Как бы мы ни вмешивались – у бога или, если угодно, вселенной – свои планы. И любовь здесь не при чём. Или – аборты. Когда букашек станет слишком много, чтобы они не пожрали друг друга и луг, – природа создаст что-то ещё.

Белозерский:

Что же?!

Вера:

Почём я знаю?... Например, гомосексуализм из развращённой забавы для пресытившихся или же, напротив, не имеющих рядом противоположного пола для удовлетворения сексуального голода, – превратится в норму. Потому сколько бы и как ни любили друг друга, предположим, Белозерский и Покровский, от этого не родится новой букашки и луг будет спасён.

Уже свернули с улицы в ворота, идут по аллее.

Белозерский:

Фу-у-у!

Вера подзуживает его, дурачится:

Вера:

Отчего же «фу!»? Представь себе, как, допустим, наш добрый Иван Ильич приносит Георгию Романовичу кофе в постель. И, поверь! – Природа, жаждущая ограничить планету от пожирания букашками, вышьет этот самый мозг...

Вера снова стучит Белозерского по лбу.

Вера:

...самыми замысловатыми эмоциями.

Белозерский:

Вера! Меня сейчас стошнит!

Вера уже заметила на ступеньках группу, ускоряется; за ней и Белозерский. Подходят. Вера, моментом оценив ситуацию (Ася держит корзинку с новорождённым, Городовой держит корзинку с другой стороны,

надо отдать, – но выглядит так, будто Ася никак не желает выпускать из рук корзинку), обращается к Белозерскому, несколько иронично-патетически:

Вера:

Но люди испортили внятные библейские инструкции жалкими попытками метафорически их осознать. И вот запрет на аборт становится запретом рожать «во грехе». И тьмы запуганных дурочек бессильны не только перед природой, но и перед обществом. Но природа только велит. Не более. Общество же – наказывает!

Обращается ко всем на ступеньках (тоже внимательно прослушавших её речь, каждый с соответствующим характеру персонажа выражением лица):

Вера:

Доброй ночи, дама и господа! Анна Львовна, отдайте представителю власти подкидыша. Я не ошибаюсь?

Вера смотрит на Кравченко. Он кивает – тут всё очевидно, Вера при её опыте не могла неправильно считать ситуацию. Вера снова обращается к Асе.

Вера:

Василий Петрович ему ничего дурного не сделает. А вы ему не мать.

Ася отпускает корзинку. Городовой благодарен Вере, ему понятны чувства Аси, нравится сестра милосердия, как нравилась бы отцу хорошо воспитанная добрая дочь. Он хочет её успокоить:

Городовой:

Вы, барышня, можете навещать девочку в приюте. Что правда, удочерить не удастся. Об этом забудьте.

Ася:

Почему?!

Городовой смотрит на Асю, как на дурочку. Кравченко испытывает сочувствие к Асе. Вера усмехается, глянув на Белозерского. Ася смотрит на Городового – тот даже несколько смущён.

Городовой:

Потому что вы – барышня... Не замужем вы!

У Аси выражение лица: ах, да! – растерянное от осознания простейшего факта. Она и так знала, но её настолько захлестнули чувства к младенцу, что она забыла правила общества, существующие в Российской империи законодательные нормы.

10–28. Инт. Клиника/мужская палата. Ночь.

(Бригадир, Дух Бригадира, Вера, Белозерский.)

Бригадир Матвей Громов лежит на койке. Дух Бригадира стоит, опершись на спинку. Вера сидит на краю койки – щупает Бригадиру пульс на запястье левой руки и на шее справа (проверяет симптом асимметрии пульса). Белозерский прослушивает сердечные и лёгочные тоны фонендоскопом. Заканчивают.

Белозерский:

Здоров, как бык.

Дух Бригадира горделиво расправляет плечи.

Дух Бригадира:

Я вам, доктора, и сразу говорил...

Вера:

Корабль может быть весьма неплох, но при болезни капитана...

Дух Бригадира смотрит на неё с недоумением. Вера, улыбнувшись, к Белозерскому, с любопытством учёного:

Вера:

Очень хочу его вытащить, вернуть в сознание!

Дух Бригадира:

Да в сознании я! *(немного ошарашено, будто ему открылась истина, что всё время была перед носом)* Сознание – я?...

Белозерский, усмехнувшись, и постучав себя костяшками по лбу:

Белозерский:

Дух в тело?

Вера:

Если тебе так привычной. *(кивая на обездвиженного Бригадира)* Я бы сказала: программу, алгоритм – в тело, оболочку. Чтобы выяснить: понимает ли он язык метафор.

Белозерский:

И что это тебе даст?

Вера:

Это удовлетворит моё любопытство. Все довольно долго живущие с опухолями мозга имели траченной его правую половину. Фактически, она им была просто не нужна. Для жизни букашки, и хорошей букашки, на нашем жирном лугу, сдаётся мне, достаточно левой.

Белозерский:

Допустим. Но зачем же нам тогда правое полушарие?!

Вера:

Например, чтобы писать музыку, романы, поэмы. Правильно понимать Библию. Стремиться к большему.

Белозерский:

Быть не просто букашкой?

Вера:

(поднимаясь, иронично) Ага. Букашкой с воображением.

Вера подходит к Белозерскому, нежно целует его, едва коснувшись губами губ, отстраняется, смотрит. Он смотрит в ответ, ожидая чего-то важного... Но... Она снова слегка иронична:

Вера:

Печальна жизнь букашки с воображением. В пестиках и тычинках ей чудится любовь.

Дух Бригадира, внимательно наблюдавший за докторами, резюмирует:

Дух Бригадира:

Пожениться бы вам, господа хорошие!

Вера, уже вернувшись в рабочую парадигму, кивая на Бригадира, без движения лежащего на койке:

Вера:

В общем, если мы с тобой не напортачим, он вернётся здоровым к своей верной букашке-жене.

Дух Бригадира:

(радостно) Вот это дело! Вы уж не напортачьте! Я вам тут всё без халтуры делал. Вот уж и вы расстарайтесь!

Вера:

Иди в ординаторскую. Я здесь прилягу. В моём кабинете Кравченко отчётность подбивает. Твой отец завтра хотел посмотреть.

У Белозерского такое лицо: защищать отца. Вера смеётся.

Вера:

Я знаю, что он мне доверяет! Но он – купец, деньги любят счёт, тем более – это не одноразовая благотворительная акция, а, благодаря ему, акционерное общество.

Белозерский, кивнув, идёт на выход. Оборачивается от двери, говорит Вере:

Белозерский:

Я на букашечные совокупления не согласен! Так и знай! Я люблю тебя!

Быстро выходит. Вера улыбается. Затем, вздохнув, садится на пустую койку, смотрит опустошённым взглядом в никуда. Дух Бригадира садится рядом с нею. Вздыхает. Обращается к ней:

Дух Бригадира:

Там ваши валенки, госпожа начальница, так посчитают – что бес ногу сломит. Нихрена они в бухгалтерии не секут...

Тут его осеняет догадка, он суживает глазки, смотрит на Веру с подозрением.

Дух Бригадира:

...Или кто-то сечёт слишком хорошо!

Она его, разумеется, не слышит.

Новый день.

10–29. Инт. Клиника/операционная. День.

(Бригадир, Дух Бригадира, Вера, Белозерский, Ася, Нилов, Порудоминский, Концевич, Бельцева.)

Бригадир на столе, на левом боку, голова выбрита, правая теменная область обложена операционным бельём, на бритой коже метиленовым синим прочерчена область предполагаемого участка трепанации. Вера и Белозерский помыты на операцию, Ася слева у стола (у головного конца) у столика операционной сестры (набор инструментов на трепанацию, устрашающе выглядит), рядом, чуть сзади – Бельцева (учится). Концевич, Нилов и

Порудоминский – смотрят. *(Если под операционную будет аудитория как в «Никербокере» – рассадить студентов и ординаторов, так идеально.)* Вера делает инфильтрационную анестезию (вкалывает иглу внутрикожно, пропитывает раствором кокаина кожу и подкожку, медленно постепенно давя на поршень шприца). Дух Бригадира стоит позади Веры, заинтересованно наблюдает.

Вера:

Вскрываем черепную коробку, формируем кожно-костный лоскут. С дальнейшими тактикой и объёмом определимся интраоперационно.

Ася подаёт Вере скальпель. Вера начинает разрез. Дух Бригадира, вздрогнув и перекрестившись, выходит из операционной, бормоча под нос из «Бытия»:

Дух Бригадира:

«И сказал Господь: потому что они плоть...»

10–30. Инт. Кабинет полицмейстера. День.

(Полицмейстер, Городовой.)

На столе стоит корзинка, в которой подбросили новорождённую. Полицмейстер стоит у окна, смотрит на улицу, в руках у него кружевная пелёнка, которая была в корзинке. Городовой стоит у стола, в некоторой растерянности смотрит Полицмейстеру в спину.

Городовой:

Парочка бытовых убийств. В одном вертепе: муж – жену. В другом: жена – мужа. И... *(кивая на корзинку)* Вот, собственно, и все происшествия, Андрей Прокофьевич. По нынешним временам – преспокойнейшее дежурство.

Полицмейстер не реагирует на слова Городового. Тот через несколько секунд прочищает горло.

Городовой:

Кхм... Я пойду?... Андрей Прокофьевич!

Полицмейстер оборачивается.

Полицмейстер:

А?!.. Да, иди.

Городовой:

Так это...

Кивает на пелёнку в руках Полицмейстера.

Городовой:

Вещественное доказательство. Дело дохлое, но приобщить надо.

Полицмейстер:

Я сам, Василий Петрович. Я сам.

Городовой – удивлён. Немного помявшись, надевает фуражку (держал в руках), козыряет, выходит. Полицмейстер становится мрачнее тучи, комкает салфетку в руках – сдерживаемые гнев, боль. На салфетке вышиты буквы А.А.

На столе у Полицмейстера среди прочих фотографий стоит фотография, где он моложе, а у него на руках сидит девочка лет пяти, на воротничке её платица вышита идентичная монограмма: А.А.

Конец 10-й серии

Татьяна Соломатина
Община Святого Георгия
11-я серия

11-1. Инт. Клиника/мужская палата. День.

(Вера, Бригадир, Белозерский.)

Бригадир Громов лежит на кровати с перебинтованной головой. Глаза закрыты. Вера, мрачная, стоит над ним, внимательно смотрит. Белозерский сидит на краю, тестирует пульс.

Белозерский:

Пульс, сердцебиение, частота дыхания – в норме. Почему он не приходит в сознание?

Вера пожимает плечами. Хмурит брови.

Вера:

Может, нет у него никакого сознания. Мы мало что знаем о теле. И мы ничего не знаем о душе.

11-2. Нат. Клиника/главная аллея. День.

(Дух Бригадира, Жена Бригадира.)

Дух Бригадира Громова сидит на скамейке, погода не очень, но он в благом состоянии, всё вокруг его радует. Он будто впервые действительно живёт, а не следует программе выполнения целей и задач. Со стороны улицы к клинике быстро идёт Жена Бригадира, мрачная, чёрная. Механически утирает слёзы, которые вольно текут по её лицу. Он провожает её любящим взглядом. Встаёт.

Дух Бригадира:

Почему все решили, что дух покидает только мёртвое тело? А сами из молнии лампочку сделали. И лампочка светит, и молния жива. Значит, и тут есть способ. Хотя, пожалуй, искре место в потоке небесного электричества. Тоже мне, дело для Света – праху земному сортир освещать. Но раз и такой подряд имеется, наше дело – исполнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.